

Дарья Люсен

ГОСПОДИН МОЙ

Дарья Люсьен

Господин мой

<https://litres.ru/74298469>

Аннотация

Первая книга из цикла «Господин мой»

Меня сбила машина на пешеходном переходе. Обидно, но бывает. Хуже то, что богиня смерти предложила мне два варианта продолжения: средневековый охотник с молодой женой и очень насыщенными семейными обязанностями - или молодая женщина в тоталитарном мире, где охраняемые лица не имеют права смотреть мужчинам в глаза. Я выбрала тоталитаризм. Наверное, моя способность оценивать риски пострадала при столкновении с мазерати.

Теперь я - Мира Дорр. Охраняемое лицо. У меня есть владелец, есть брошюра с правилами поведения в семидесяти страницах, и есть Тень, которая ведёт себя совершенно не так, как положено. Мой владелец - Блюститель Порядка, сотрудник Департамента духовного надзора и профессиональный Оценщик Теней. Он умный, спокойный и абсолютно уверен, что мир устроен правильно.

Это хуже, чем если бы он был просто жестоким.

Но у меня в голове - целая библиотека книг, музыки и знаний, которых в этом мире не существует. И я намерена этим воспользоваться.

Содержание

Глава 1. Вакансии	4
Глава 2. Распорядок дня	23
Глава 3. Словарный запас	44
Глава 4. Достопочтенный Дорр	60
Глава 5. Тени	75
Глава 6. Харн	88
Глава 7. Правила дома	103
Глава 8. Ужин с гостем	118
Глава 9. Оценщик смотрит	130
Глава 10. Дом	143
Глава 11. Музыка этого мира	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Глава 1. Вакансии

Если бы мне кто-нибудь сказал, что я умру в шестнадцать лет, то я бы, наверное, поспорила. Не потому что была особенно оптимистичной, а просто потому что шестнадцать лет — это тот возраст, когда смерть кажется чужой историей, которую рассказывают в новостях про других людей. Не про тебя. Никогда про тебя.

Никто мне ничего не сказал, поэтому в то утро я просто шла по улице в наушниках, наслаждалась тем, что учёба закончилась три часа назад, и думала примерно ни о чём. Это было хорошее состояние. Я его ценила.

Погода была хорошая. Солнце светило с той степенью интенсивности, когда тепло, но ещё не жарко, асфальт не раскалился, и идти было приятно. Я только что вышла из кафе, где мы с девочками просидели дольше запланированного — Натка заказала третий латте и начала рассуждать о смысле жизни, что всегда затягивает. В наушниках как раз включился мой самый любимый трек, тот самый, под который я обычно ускоряю шаг и смотрю вперёд поверх голов, а не под ноги.

Именно поэтому я не заметила мазерати.

Вернее, заметила. Просто на полсекунды позже, чем следовало. Он летел по улице с такой скоростью, словно водитель заключил пари с физикой и очень хотел выиграть. Я успела подумать — вот идиот — и на этом мои светские мысли закончились. Удар был такой силы, что следующие секунды я провела в воздухе, что само по себе было бы занятным опытом при других обстоятельствах. Пятнадцать метров, если кто-то потруился посчитать. Приземление вышло без аплодисментов.

Боли не было. Это меня удивило, я всегда предполагала, что умирать больно. Оказалось, нет, по крайней мере не сразу. Просто тишина внутри, хотя снаружи всё было наоборот: кто-то кричал, над головой мелькали лица, какая-то женщина прижимала руки к щекам с видом человека, увидевшего что-то принципиально невозможное. Мужчина в сером пиджаке тянул из кармана телефон, то ли звонить в скорую, то ли снимать. Может, хотел сделать фото для истории. Может, просто не знал, что делать, и телефон был первым рефлексным движением. Я бы не осудила — я сама иногда так делаю.

Делала. В прошедшем времени, как выяснилось.

Я так и не поняла, что он там снимал. Не успела.

Свет появился раньше, чем я сообразила, что темнота уже наступила.

Тоннель существует — все возвращенцы с того света говорили правду, что приятно знать. Белый, тёплый, немного похожий на длинный переход в метро, только без запаха и рекламы ортопедических матрасов. Я пролетела по нему быстро и оказалась в месте, которое было полно света — не лампочного, не солнечного, а какого-то другого, без источника, просто везде сразу и нигде конкретно. В центре этого света стоял силуэт, яркий настолько, что смотреть на него можно было только вскользь, как на солнце.

Я подумала — бабушка. Она умерла три года назад, и если кто-то из моих близких мог оказаться по ту сторону, то только она. Но силуэт был слишком высоким и слишком официальным, что ли. Бабушка никогда не производила впечатления официального человека — она производила впечатление человека, который сейчас угостит тебя пирогами и расскажет что-нибудь смешное про соседку с третьего этажа.

Это была явно не она.

— Кто вы? — спросила я. — И где я нахожусь?

— Хм, — сказал силуэт, и голос у него оказался низким, чуть насмешливым — не злобно, скорее с интересом, как смотрят на неожиданно занятный экспонат. — Я Хель. Повелительница мира мёртвых. Забочусь о душах, не попавших в Вальхаллу. А в Вальхаллу ты, надо полагать, не особо и стремилась.

В школе я несколько лет увлекалась скандинавской мифологией — читала всё подряд, от академических пересказов до фанфиков сомнительного качества. Хель я знала: дочь Локи, правит Хельхеймом, наполовину живая наполовину мёртвая, просто выполняет работу и никого особо не обижает. В теории я была готова к такой встрече. На практике — нет, потому что никто никогда не бывает готов к такой встрече, и особенно в шестнадцать лет, стоя посреди безымянного света без источника после того, как тебя сбила машина на пешеходном переходе.

Но паниковать было некогда, поэтому я не паниковала.

— Очень приятно, — сказала я, потому что вежливость в критических ситуациях — это последнее, что у нас остаётся. — Я Кристина. Хотя вы, наверное, уже знаете.

— Знаю, — подтвердила Хель. — И знаю, что ты не из тех, кто долго тратит время на растерянность. Поэтому пе-

рейдём сразу к делу. У тебя есть возможность продолжить существование. Не здесь — живой, в теле, в мире.

— Снова родиться? — Я представила себя орущим младенцем в роддоме, потом себя в первом классе с бантами, потом снова в шестнадцать годах с нуля, и внутренне поморщилась. — С самого начала, со всем этим?

— Это один из вариантов. Но не единственный. — Хель сделала что-то неуловимое — не жест, скорее намерение жеста. — Можно воплотиться в уже существующего человека. Чьё тело свободно или вот-вот освободится. Сейчас... — пауза, будто она листала что-то мысленное. — Секундочку.

Ожидание вышло неловким. Я стояла, богиня смерти проверяла свой список, и я успела подумать, что загробный мир устроен примерно как отдел кадров — только с хуже прописанными вакансиями и без чая на собеседовании. И судя по всему, с одним менеджером на весь поток.

— Итак, — сказала наконец Хель. — На сегодня две позиции. Первая: молодой охотник, средневековье, умирает прямо сейчас от тяжёлой болезни. До недавнего времени крепкий и здоровый. Жена, изба и лес прилагаются. Душа его уже почти ушла, тело освобождается. Жизнь простая, понятная — охота, костёр, зима девять месяцев в году.

— И жена, — добавила я.

— И жена, — согласилась Хель без какой-либо интонации. Совсем без какой-либо.

— Понятно. А вторая позиция?

— Другой мир. Не твой. Молодая женщина, двадцать два года, в коме. — Она помедлила. — Попала туда после того, как её избил муж. Её душа тоже уходит. Тело будет свободно. Но я обязана предупредить: мир там тяжёлый. Тоталитарный. Женщины там юридически бесправны — не как красивая фигура речи, а буквально, по закону, с документами и печатями. Одно неверное слово, один взгляд не в ту сторону, любое отступление от нормы — последствия будут очень серьёзными. Это не метафора.

Я помолчала, прокручивая оба варианта.

— Значит, выбор такой, — произнесла я медленно. — Средневековый охотник, который каждый день убивает безобидных зверушек, чтобы не умереть с голоду, а по ночам развлекается с женой, которую я в глаза не видала. Или молодая женщина в государстве, где меня могут повесить за косой взгляд. Это всё, что есть в наличии?

— В целом, — сказала Хель.

— Богатый выбор. Прямо Жанна д'Арк из параллельного мира или неандерталец со стажем.

— Жизнь охотника объективно безопаснее, — заметила богиня, и в её голосе мне почудилась осторожность — аккуратная, профессиональная, как у врача, который говорит правду, но не хочет пугать раньше времени. — Там нет системы, специально выстроенной против тебя. Там просто природа, холод и необходимость добывать еду. Это честнее.

— Зато скучнее.

Хель промолчала. Это было очень красноречивое молчание — из тех, которые говорят «я не буду это комментировать, но ты права».

— Подождите, — сказала я. — А мои знания? Я туда отправляюсь пустая или нет? Языки, программирование, музыка. Бразильское джиу-джитсу вместе с рукопашным. Всё это исчезнет как утренний туман?

— Если считаешь, что они тебе нужны — они останутся, — ответила Хель. — Но учти: тело другое. Навыки в голо-

ве есть, а мышечная память и физические возможности — другие. Придётся нарабатывать заново. Это не быстро и не просто.

— Но знания в голове остаются.

— Остаются.

Я подумала про языки — пять более или менее уверенных, ещё два в процессе. Про программирование, которое учителя называли талантом, а я называла здравым смыслом и упрямством. Про музыку. Про книги, которые я читала и помнила целыми кусками. Про песни — сотни песен в голове, от классики до того, что выходило в прошлом месяце.

А потом я подумала вот о чём: в мире, где история пошла иначе, очень многого из всего этого попросту не существует. Ни книг, которые я знаю. Ни песен. Ни изобретений, ни фильмов, ни целых пластов того, что у меня в голове и что мне кажется само собой разумеющимся.

Это была неожиданно интересная мысль. Очень неожиданно интересная — особенно для человека, который пять минут назад был сбит машиной и технически мёртв.

— Решено, — сказала я. — Беру тоталитаризм.

Я сказала это уверенно, и уверенность была настоящей. Только где-то на краю, почти незаметно, мелькнула мысль о маме, как она будет искать меня взглядом в толпе ещё долго после того, как перестанет это делать сознательно. Эту мысль я убрала. Не потому что она не имела значения. А потому что если её не убрать, то всё остальное развалиться.

Хель помолчала чуть дольше, чем нужно для простого подтверждения.

— Ты понимаешь, что это не приключение? — спросила она, и голос у неё был совершенно ровный, без нажима и без осуждения. Просто вопрос. — Там по-настоящему опасно. И по-настоящему несправедливо, не в смысле красивой сюжетной несправедливости, которая разрешается в финале, а в смысле каждодневной, бытовой, встроенной в каждую мелочь.

— Понимаю, — сказала я.

— И всё равно?

— Я шестнадцатилетняя девчонка, которую только что сбила машина на пешеходном переходе, — ответила я. — Моя способность взвешивать риски в данный момент, воз-

можно, немного пострадала. Но да. Всё равно.

Хель помолчала ещё секунду. Мне почудилось, что она почти улыбается — хотя разглядеть в этом свете что-либо было невозможно.

— Да будет так, — сказала она.

Свет начал гаснуть медленно, как будто кто-то поворачивал регулятор. Я успела подумать, что надо было спросить хоть что-нибудь конкретное про новое тело — имя, возраст, как зовут этого самого мужа, который так обращается с людьми, есть ли там хоть какая-то еда, которую я смогу есть. Но потом свет исчез совсем, и думать стало нечем.

Последнее, что осталось от той жизни — запах асфальта и чей-то голос, кричащий «вызовите скорую». Кто-то всё-таки догадался.

Поздно. Но приятно.

Первое, что я слышала в новой жизни — это чужой голос, говоривший о моей стоимости.

— ...восстановление прошло лучше прогнозируемого, — произносил кто-то негромко, явно не обращаясь ко мне. Мужчина, судя по голосу. Привычный к тому, чтобы его слушали, и к тому, что его слушают именно так —

внимательно и без возражений. — Но окончательное заключение по функциональности даётся только после полного выхода. Владелец уведомлён?

— Уведомлён, — ответил второй голос, женский, ровный. — Интересовался сроками.

— Скажите: состояние удовлетворительное. Динамика положительная. Если так продолжится, то через двое суток выпишем.

Шаги. Потом первый голос добавил, чуть тише:

— Повреждения, не связанные с основной травмой, зафиксированы в карте. Все.

Повисло недолгое молчание. Такое, когда оба всё понимают и оба молчат именно поэтому.

— Все, — повторил он ещё раз, и в этом втором «все» не было ничего, кроме точки в конце предложения. Просто точка. Просто факт.

Я лежала с закрытыми глазами и не двигалась. Не потому что не могла — просто инстинкт сработал раньше разума: сначала понять обстановку, потом давать знать, что понял. Это базовое правило, которому учат на занятиях по рукопашному бою. Надо же, пригодилось. Жаль, что именно так.

Потолок был белый — я это знала, не открывая глаз, потому что свет сквозь веки шёл ровный, без теней. Пахло чем-то дезинфицирующим и сухим, с лёгким химическим привкусом — больница, это однозначно. Справа равномерно капала капельница. Под простынёй к руке тянулась трубка, которую я чувствовала кожей.

Голоса ещё немного поговорили про документы, которые нужно было оформить до вечера, — потом шаги, дверь, тишина. Почти тишина: осталось чьё-то дыхание, ровное и терпеливое, и звук перелистываемых страниц.

Я подождала минуту. Потом открыла глаза.

Белый потолок, белые стены с тёмно-серой полосой у самого пола — видно, кто-то решил, что это и есть дизайн. Слева окно с мутноватым стеклом, за которым угадывалось серое небо и какое-то казённое здание, явно из той же архитектурной школы «главное чтобы стояло». У стены сидела

женщина в тёмной форме с папкой на коленях и читала что-то, демонстративно не глядя в мою сторону.

Я попробовала пошевелить пальцами. Они послушались — медленно, будто спросонья, но послушались. Рука была чужая. Не онемевшая, не отёкшая — именно чужая. Другие пропорции, другой оттенок кожи, другая длина пальцев. Я смотрела на неё с тем странным чувством, с каким смотришь на случайно надетую чужую куртку: всё застёгнуто правильно, всё на месте, но что-то фундаментально не то.

Ну что ж. Получилось, значит. Я здесь, в теле, в мире, всё как договаривались. Хель не соврала, приятно иметь дело с честными богинями. Занесу в список людей, которым можно доверять. Список пока маленький, но хоть что-то.

— Очнулась, — сказала женщина у стены. Не вопрос — констатация. Она сделала пометку в папке, встала и подошла ближе. Лицо усталое и профессиональное одновременно, как бывает у людей, которые видели много всего и давно научились не брать лишнего домой. — Как тебя зовут?

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Мира, — сказала я.

Мира. В мире. Ну да, совпадение века.

Имя пришло само, раньше чем я успела подумать. Просто всплыло — как будто оно уже было здесь, где-то на краю этого сознания, ждало. Может, какой-то след от прежней хозяйки тела. Может, просто то, что называют мышечной памятью, только не мышечной, а какой-то другой. В любом случае имя вышло уверенно, без запинки, и это было хорошо. Значит, врать я здесь смогу убедительно. Тоже полезный навык.

Женщина кивнула и снова сделала пометку.

— Мира Дорр, — произнесла она тем же ровным голосом. — Охраняемое лицо. Речь внятная, реакция адекватная. Это хороший знак. Владелец будет уведомлён об улучшении.

Я смотрела в потолок и думала о слове «владелец».

Мира Дорр, охраняемое кем-то лицо, у которого есть владелец. Чувствую себя каким-то домашним питомцем. Хорошим, ухоженным, но всё же питомцем, которого лечат, потому что он стоит денег, и о выздоровлении которого уведомляют хозяина.

Хель предупреждала честно и я сама выбрала, претензий нет. Но одно дело слышать «тоталитарный мир, женщины

бесправны» в разговоре с богиней смерти, стоя посреди загробного света. Совсем другое лежать на больничной койке с чужой рукой и чужим именем и слышать, как незнакомая женщина произносит слово «владелец» голосом человека, зачитывающего инвентарный номер на складе. Как иногда пара слов может сказать о месте больше, чем целая энциклопедия.

Потому что здесь это и было просто обычное рабочее слово. Никакого особого веса, никакой неловкости — примерно как сказать «стол» или «окно».

— Вам нужно что-нибудь? — спросила женщина. — Воды?

— Пожалуйста, — сказала я.

Она принесла стакан. Небольшой, металлический, с загнутым краем. Вода была чуть тепловатой, не холодной и не горячей, просто комнатной температуры. Я пила маленькими глотками и боковым зрением изучала комнату.

На стене у двери висел лист в деревянной рамке под стеклом — прямо как в поликлинике дома, только вместо расписания врачей что-то с нумерованными пунктами. Отсюда я могла разобрать только верхние строчки: что-то про обязан-

ности, что-то про уведомление, и в третьем пункте — про взгляд, который должен быть направлен не выше чего-то там.

Регламент, который засунули аж в рамочку под стекло, как какую-то реликвию. Интересно, в какой момент кому-то пришло в голову, что правила поведения в больничной палате нуждаются в особой торжественности оформления.

Буквы, впрочем, были знакомые, и язык, судя по ритму, тоже близкий к тому, что я знала. Это было приятно. Первая по-настоящему хорошая новость с момента пробуждения.

Женщина забрала стакан, сделала ещё одну пометку и закрыла папку.

— Завтра придёт врач, — сказала она. — Осмотр, вопросы по состоянию. Стандартная процедура. И, вероятно, ещё кое-кто.

— Кто именно? — спросила я.

Она посмотрела на меня. Не удивлённо — оценивающе, взвешивая что-то своё.

— Достопочтенный Дорр, — произнесла она наконец. — Ваш владелец. Дал знать, что хочет лично удостовериться в

состоянии. Это нормально, не волнуйся.

Последние два слова прозвучали странно, не потому что были плохими, а потому что она явно произнесла их автоматически, как говорят что-то привычное и необязательное. «Не волнуйся» в адрес человека, которого завтра придёт осматривать мужчина, отправивший её в больницу. Нормально. Всё нормально, просто придёт посмотреть на имущество.

Я кивнула.

— Хорошо, — сказала я.

Женщина вернулась к своему стулу. Снова открыла папку и снова начала читать. Жизнь продолжалась в обычном режиме, для неё, во всяком случае.

Я закрыла глаза, не чтобы спать, а чтобы думать, не показывая, что думаю.

Итак. Меня зовут Мира Дорр. Охраняемое лицо, то есть кто-то меня охраняет, и этот кто-то называется владельцем. Причём охраняет, судя по всему, от всего на свете, включая собственного мнения и права смотреть людям в глаза. Который завтра приедет лично удостовериться в состоянии сво-

его имущества. И которому, судя по всему, объяснять, что именно зафиксировано в карте, не было никакой необходимости — он знал.

Нормально. Не волнуйся.

Я медленно сжала пальцы — пальцы Миры, которые теперь были моими и почувствовала, что кулак вышел крепкий. Приятная новость. Первое, что в этом теле оказалось именно таким, каким нужно.

В голове крутилась одна мысль, которую я пока не формулировала вслух даже для себя, но которая ощущалась как что-то важное: у меня в памяти есть целый мир, которого здесь нет. Книги, музыка, технологии, события — всё то, что для меня было само собой разумеющимся, а здесь не существует, потому что история пошла иначе. Это был ресурс. Пока неясно какой именно, но реальный. И пока что только мой.

А ещё завтра придёт Дорр. Строить планы до того, как я его увижу, было бессмысленно — живой человек всегда сложнее своей репутации, в обе стороны. Может, он окажется кем-то, с кем можно как-то работать. Может нет. Это завтра.

Сегодня задача была попроще: привыкнуть к тому, что рука — чужая, тело — чужое, имя — чужое, и при этом всё это теперь моё. Кристина Соколова умерла сегодня на пешеходном переходе под любимую песню. Мира Дорр лежит в казённой кровати под казённым потолком и смотрит на регламент в рамке.

Добро пожаловать.

За окном было темно. Женщина у стены перевернула страницу, капельница справа методично отсчитывала капли, и в этой тишине я лежала, смотрела в потолок и думала о завтрашнем дне.

Крис внутри добавила под конец: и, пожалуйста, пусть этот Дорр окажется хотя бы предсказуемым идиотом. С умными всегда сложнее.

Глава 2. Распорядок дня

Утро началось с того, что я обнаружила себя в состоянии, которое медицина называет «пациент в сознании», а я бы назвала «лежу и пытаюсь не думать слишком много сразу».

Женщина в форме за ночь сменилась — теперь у стены сидела другая, чуть помоложе, с таким же профессионально-непроницаемым лицом и такой же папкой. Видимо, это была должностная инструкция: сидеть, читать, не смотреть на пациента без необходимости. Я бы сказала, что это неплохая работа, если бы не место действия.

Капельницу ночью убрали, рука теперь была перебинтована в локтевом сгибе и двигалась нормально, хотя сгибать её было неприятно. Я потихоньку её разработала, пока новая дежурная не смотрела, и заодно провела первую нормальную инвентаризацию нового тела — не в смысле списка, а в смысле понять, что вообще работает и как.

Работало всё. Чуть хуже, чем хотелось бы, чуть иначе, чем я привыкла, — но работало. Левая рука слушалась хуже правой, и не из-за укола, а просто так, похоже, была устроена. Ноги затекли за ночь быстрее, чем затекли бы мои собственные — значит, привычка к долгому лежанию у Миры отсут-

ствовала, что в целом хороший знак. Спортом не занималась, но и лежебокой не была. Есть с чем работать.

Лицо я пока не видела. Зеркала в палате не было, а специально искать я не торопилась — одно дело разбираться с руками и ногами, другое дело смотреть на чужое лицо и понимать, что теперь это твоё. Это я отложила на потом. Утро и так было насыщенным.

Где-то около восьми — я определила по тому, как изменился свет за окном и по звукам коридора, которые стали оживлённее, — дежурная поднялась, подошла к кровати и молча поставила рядом небольшой поднос. стакан воды, что-то в маленькой тарелке, похожее на кашу, и две таблетки на отдельном блюдечке.

— Завтрак и утренний приём, — сказала она, кивнув на таблетки. — Выпить при мне.

Я посмотрела на таблетки. Круглые, белые, без маркировки — ну или маркировка была, но слишком мелкая.

— Что это? — спросила я.

Дежурная чуть приподняла бровь — не удивлённо, скорее с тем выражением, которое бывает у людей, когда им задают

вопрос, которого они не ожидали.

— Плановый приём, — повторила она. — Назначено лечащим врачом.

— Да, но что именно?

Она на секунду зависла. Чуть дольше, чем нужно.

— Поддерживающая терапия, — сказала она наконец тоном, который давал понять, что это исчерпывающий ответ.

Я смотрела на таблетки и думала. Поддерживающая терапия. Очень информативно. В моём старом мире я бы полезла в интернет, нашла бы название, прочитала состав и противопоказания, и потом уже решала — пить или нет. Здесь интернета не было, названия я не знала, а дежурная смотрела на меня с терпеливым ожиданием человека, у которого ещё полпалаты таких же.

Я взяла таблетки и положила в рот. Запила водой.

Дежурная кивнула, сделала пометку и вернулась к своему стулу.

Таблетки я не проглотила. Подержала под языком, пока

она отворачивалась, потом аккуратно вынула и спрятала под подушку. Может, это была обычная витаминка. Может — нет. Но я лежала в учреждении, где меня называли охраняемым лицом и где информацию о моём собственном здоровье выдавали не мне, а владельцу. В таких условиях глотать что попало без понимания зачем — это, мягко говоря, самонадеянно.

Паранойя? Возможно. Но паранойя — это когда угрозы нет. А тут она точно была, просто я пока не знала, с какой стороны.

Каша оказалась несладкой и без соли — примерно никакой на вкус, зато горячей. Я съела половину и оставила, не потому что не было аппетита, а потому что в этот момент наконец смогла нормально рассмотреть лист на стене.

Утренний свет падал иначе, чем вечером, и теперь было видно весь текст до последней строчки.

Называлось это «Порядок пребывания охраняемых лиц в учреждениях медицинского попечения». И дальше шли пункты.

Я читала медленно, вдумчиво, с той степенью внимания, которой заслуживает документ, определяющий правила тво-

его существования.

Пункт первый: охраняемое лицо обязано незамедлительно сообщать дежурному персоналу об изменениях в самочувствии. Ладно, это разумно, это я бы и сама сделала.

Пункт второй: охраняемое лицо принимает назначенные препараты в установленное время в присутствии дежурного персонала. Угу. Вот почему она стояла и смотрела.

Пункт третий: охраняемое лицо обращается к персоналу мужского пола исключительно после того, как персонал инициировал контакт.

Я перечитала. Потом ещё раз.

Значит, если в палату зайдёт мужчина и я захочу что-то сказать — мне нужно ждать, пока он сам со мной заговорит. А если не заговорит — молчать. Потому что так написано в пункте третьем. В документе. В рамочке. На стене.

Я мысленно поаплодировала тому человеку, который это придумал, записал, согласовал, распечатал и повесил на стену медицинского учреждения. Это была большая работа. Целеустремлённый был человек.

Пункт четвёртый: при обращении к персоналу охраняемое лицо использует установленные формы вежливости согласно Своду норм речевого этикета, параграф семь.

Параграфа семь у меня не было, что делало этот пункт декоративным, но угрожающим. Надо будет раздобыть этот Свод. Желательно до того, как я скажу что-нибудь не то.

Пункт пятый: взгляд охраняемого лица не должен быть направлен выше уровня подбородка собеседника мужского пола без явного разрешения.

Вот это место я перечитала четыре раза.

Взгляд. Не должен быть. Выше подбородка.

Они законодательно запретили смотреть людям в глаза. Не метафорически, не косвенно — прямым текстом, пунктом пять, с формулировкой «без явного разрешения». То есть разрешение теоретически можно получить. Мужчина может любезно разрешить тебе посмотреть ему в глаза, и тогда всё нормально, пункт не нарушен.

Я представила себе эту сцену и почувствовала, как где-то внутри что-то закипает — не паника, не отчаяние, а что-то более конкретное и менее приятное. Примерно то чувство,

когда тебя учат, как правильно дышать, потому что сам по себе ты дышать не умеешь.

Пункт шестой: охраняемое лицо не вправе запрашивать информацию медицинского характера напрямую у персонала — сведения о состоянии здоровья предоставляются законному владельцу или попечителю.

А вот это уже интереснее. Это значит, что врач, который меня сейчас лечит, формально не обязан мне ничего объяснять. Он объясняет Дорру. А Дорр, если захочет, объясняет мне. Или не объясняет. Его право.

Моё тело. Его информация.

Я смотрела на пункт шестой и думала, что есть вещи, которые можно понять умом — ну да, тоталитаризм, ну да, бесправие, всё логично, и при этом всё равно каждый раз, когда встречаешь конкретное проявление, чувствуешь этот короткий внутренний удар. Не потому что неожиданно. А потому что реально.

Дальше шли пункты про посещения, про личные вещи, про выход за пределы палаты только в сопровождении, про что-то ещё, я дочитала до конца, запомнила главное и отвернулась от стены.

Дежурная читала свою папку. За окном было серое утреннее небо. Каша остывала.

Значит, вот оно как устроено.

Врач пришёл около десяти — молодой мужчина лет тридцати, в белом халате поверх тёмного костюма, с планшетом под мышкой и выражением лица человека, у которого сегодня ещё восемь таких же визитов. Вошёл, кивнул дежурной, которая тут же встала и отошла к двери — вот это субординация, позавидовать можно, и подошёл к кровати.

Он не смотрел на меня. То есть он смотрел, но как-то мимо — туда, где я была, но не на меня конкретно. Открыл планшет, пролистал что-то.

— Мира Дорр, — сказал он. — Двадцать два года. Черепно-мозговая травма, сопутствующие повреждения. Находитесь в учреждении восьмые сутки. Как самочувствие?

Последний вопрос был задан в пространство примерно между мной и окном.

Я вспомнила пункт третий. Он инициировал контакт. Значит, мне можно говорить.

— Лучше, — сказала я. — Голова не болит. Рука немного.

— Головокружения есть?

— Нет.

— Тошнота?

— Нет.

Он что-то отметил в планшете. Потом взял небольшой фонарик из кармана халата и посветил мне в глаза — сначала в правый, потом в левый, — держа мою голову за подбородок двумя пальцами. Не грубо, но и не спрашивая. Просто взял и посветил, как берут лампу и проверяют, работает ли она.

Я сидела смирно и думала, что, наверное, именно так и надо держаться — пока. Сидеть на попе смирно и тихо. Наблюдать и понимать, как тут всё работает. Время на реакции будет позже, когда я буду понимать правила достаточно хорошо, чтобы их нарушать правильно.

— Память, — сказал врач, убирая фонарик. — Как с па-

мantlyю?

— Плохо, — сказала я, что было чистой правдой — только по другим причинам, чем он думал.

— Что именно не помните?

— Многое. Некоторые слова. Людей. Что было до... до того, как я здесь оказалась.

Он снова что-то отметил. Снова не посмотрел прямо на меня, взгляд скользил где-то в районе моего лба или за плечо.

— Это ожидаемо при данном типе травмы, — сказал он.
— Часть воспоминаний может вернуться. Часть — нет. Прогнозировать сложно.

— Понятно, — сказала я.

— Препараты принимаете?

Я подождала секунду.

— Да, — сказала я.

Он закрыл планшет, и тут произошло что-то интересное. Он повернулся к дежурной, не ко мне, и начал говорить ей, хотя говорил, очевидно, про меня:

— Динамика положительная. Неврологический статус в норме. Продолжаем текущую схему. Через двое суток повторный осмотр, после чего будет решение по выписке. Владельца уведомить.

Дежурная что-то записала.

Я сидела на кровати и слушала, как два человека обсуждают моё состояние здоровья так, как обсуждают состояние машины в автосервисе. Не враждебно. Не жестоко. Просто именно так. Это был порядок вещей, и никто из присутствующих не видел в нём ничего странного.

Врач убрал планшет под мышку и направился к двери.

— Подождите, — сказала я.

Он остановился. Обернулся. Вот теперь посмотрел на меня — с лёгким удивлением, как смотрят, когда предмет неожиданно издаёт звук.

Я вспомнила пункт шестой — информация медицинского

характера предоставляется владельцу, и всё равно спросила:

— Что за препараты я принимаю?

Можете сказать, что именно и для чего?

Молчание. Он смотрел на меня несколько секунд, и я смотрела на него, не выше подбородка, осторожно, примерно в район галстука, и ждала.

— Это следует уточнить у вашего владельца, — сказал он наконец. Ровно. Без интонации. — Он располагает полной информацией о назначениях.

— А если у меня нет возможности спросить его прямо сейчас?

— Он будет уведомлён о вашем состоянии. При необходимости вы сможете обратиться к нему с вопросами.

— Понятно, — сказала я.

Он кивнул и вышел. Дежурная закрыла за ним дверь.

Я смотрела на закрытую дверь и думала, что врач был вежливым. Профессиональным. Он ничего не сделал плохого, он просто выполнял свою работу именно так, как она здесь

устроена. И именно в этом и было всё дело: здесь это было нормой. Не исключением и не чьим-то личным решением, а частью этого мира.

Пункт шестой, закреплённый практикой.

Я взяла стакан с водой, допила его до конца и поставила на поднос.

Потом достала из-под подушки утреннее лекарство и убрала подальше. Пусть лежит — мне нужно сначала понять, что именно мне дают и зачем.

После обеда, такого же безликого, как завтрак, только горячее и с куском чего-то мясного, что я идентифицировала как курицу предположительно, дежурная ушла куда-то по делам, и я осталась в палате одна. Не заперто: я проверила — дверь открывалась. Но идти было некуда и незачем, поэтому я просто сидела на кровати и думала.

Думать было о чём.

Для начала — Дорр придёт завтра. Поэтому надо было не строить планы — планы строить рано, — а просто принять,

что это случится, и не тратить на него заранее ни страха, ни злости. Посмотрю, когда увижу.

Следующее — язык. Я говорила нормально, понимала нормально, но это была только поверхность. Устав на стене я прочитала и поняла, но некоторые формулировки были странными, непривычными, как будто у языка была другая история, другие заимствования, другая эволюция. Это требовало внимания. Ошибка в словах здесь могла стоить дороже, чем я пока понимала.

Ну и наконец — этот мир. То, что я про него знала, умещалось примерно в одно предложение: тоталитарный, женщины бесправны. Хель была лаконична, это я могла оценить только сейчас, когда начала сталкиваться с конкретикой. Пункт пятый распорядка, врач, который объясняет моё состояние не мне, слово «владелец» в рабочем контексте — это всё было конкретикой. И конкретика говорила, что за одним пунктом распорядка стоит целая система, которую я пока не понимаю даже в общих чертах.

Значит — наблюдать. Слушать больше, чем говорить. Не делать резких движений, пока не понятно, что здесь вообще считается резким.

Я вздохнула, легла обратно на подушку и уставилась в по-

ТОЛОК.

Белый потолок, серый день за окном, тишина с редкими звуками коридора. Я лежала и думала, что в другой жизни — в буквальном смысле в другой жизни — у меня был телефон, подруги, планы на вечер, любимая песня в наушниках. И что всё это было примерно двое суток назад по субъективному времени, хотя по объективному — непонятно сколько, потому что я не знала, сколько времени провела в промежутке между смертью и пробуждением.

Хель сказала — займи тело, пока врачи не сдались. Я заняла.

Дальше — моя работа.

Я перевела взгляд на лист в рамке. Пункт пятый смотрел на меня с казённой серьёзностью человека, который очень доволен собой.

Взгляд не выше подбородка.

Ладно. Пока — не выше подбородка. Это не навсегда, это просто сейчас, пока я разбираюсь, как тут всё устроено. Подбородок — так подбородок. Я умею ждать.

Дверь в палату приоткрылась, и заглянула дежурная — та же, что с утра, видно смена была длинная.

— К вам посетитель, — сказала она. — Тётушка Реш, попечитель учреждения. Войти?

Я почти сказала «конечно» — и вовремя поймала себя. Слишком легко, слишком своё. Здесь так, наверное, не говорят.

— Да, — сказала я.

Дверь открылась шире, и в палату вошла женщина лет пятидесяти с небольшим — невысокая, плотная, в тёмном форменном жакете с каким-то значком на лацкане. Лицо у неё было из тех, которые называют «доброжелательными» — не потому что там есть доброта, а потому что там нет очевидной враждебности. Профессиональная нейтральность с лёгким налётом участия.

В руках она держала папку — здесь, похоже, все ходили с папками, это был местный аксессуар — и маленький коричневый саквояж.

— Мира, — сказала она. Не спросила — сказала, проверяя. — Я тётушка Реш. Попечитель этого учреждения. Как

вы себя чувствуете?

Тётушка. Должностное лицо, папка, значок на лацкане — и тётушка. Судя по всему, здесь так обращаются к женщинам определённого статуса, не по родству. Местный этикет, запомним.

— Лучше, спасибо, — сказала я. — Присаживайтесь.

Реш чуть приподняла бровь — то же движение, что у дежурной утром, только заметнее — и присела на стул рядом с кроватью. Открыла папку, достала лист, положила на колени, но смотрела на меня, а не в бумаги.

— Врач сообщил, что вы идёте на поправку, — сказала она. — Это хорошо. Я хотела бы задать вам несколько вопросов — для документов. Если вы не против.

— Не против.

— Вы помните своё имя?

— Мира Дорр.

— Возраст?

— Двадцать два.

— Ваш владелец?

— Дорр. — Я секунду подождала и добавила: — Я не помню имени. Только фамилию.

Реш кивнула и что-то записала.

— Это нормально при вашем диагнозе, — сказала она. — Не беспокойтесь. Память возвращается постепенно. — Она посмотрела на меня внимательнее. — Вы знаете, где находитесь?

— В медицинском учреждении, — сказала я. И почти сразу всплыло название. — В Харне, я думаю.

— Верно. Учреждение медицинского попечения номер четыре, округ Харн. — Она снова сделала пометку. — Скажите, Мира, вас что-нибудь беспокоит? Помимо физического состояния?

Я посмотрела на неё. Вопрос был задан участливым тоном — именно тем, который профессионально означает «я готова выслушать», но не обязательно означает «я готова помочь».

— Несколько вопросов, — сказала я осторожно. — Если позволите.

— Конечно.

— Препараты, которые я принимаю. Можете сказать мне, что именно?

Реш не удивилась, скорее, слегка скорректировала выражение лица в сторону мягкого сожаления.

— Назначения делает врач, — сказала она. — Подробности — к вашему владельцу. Это стандартный порядок.

— Понятно. — Я выдержала паузу. — Тогда второй вопрос. Свод норм речевого этикета, параграф семь, в пункте четыре распорядка упомянут. Я могла бы его получить? Я... не всё хорошо помню.

На этот раз Реш посмотрела на меня с чем-то похожим на интерес — лёгкий, осторожный.

— Разумная просьба, — сказала она и открыла свой саквояж. Немного поискала, достала тонкую брошюру в серой обложке и протянула мне. — Держите. Это базовая версия,

её обычно выдают в учреждениях. Основные правила там есть.

Я взяла брошюру. На обложке было написано «Нормы речевого обращения для охраняемых лиц. Краткое руководство». Под заголовком — герб, который я ещё не умела читать, но запомнила.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста. — Реш закрыла саквояж и снова посмотрела на меня с тем же профессиональным участием. — Есть ещё что-то?

— Да, — сказала я. — Скажите, тётушка Реш... Дорр — он часто навещает? Ну, в смысле — он приходил, пока я была без сознания?

Она словно прикидывала, что сказать.

— Дважды, — сказала Реш. — Справлялся о состоянии.

— Понятно.

Она собрала бумаги, закрыла папку и встала.

— Завтра он придёт лично, — добавила она. — Вы должны быть к этому готовы. Отдыхайте, Мира. Поправляйтесь.

Она вышла. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Я осталась одна с серой брошюрой в руках, белым потолком над головой и мыслью, которую не могла от себя отогнать: дважды приходил. Пока она была без сознания. Справлялся о состоянии.

Проверял имущество.

Я открыла брошюру на первой странице и начала читать. Если завтра придёт Дорр — лучше бы мне знать правила достаточно хорошо, чтобы понимать, какие из них можно нарушить незаметно, а какие — нет.

Это было, пожалуй, самое важное образование в моей жизни. Из двух жизней.

Глава 3. Словарный запас

Брошюру я прочитала за вечер. Дважды.

Первый раз — быстро, просто чтобы понять структуру. Второй раз — медленно, с карандашом, которого у меня не было, поэтому мысленно подчёркивая то, что казалось важным. Важным оказалось почти всё.

«Нормы речевого обращения для охраняемых лиц» — это было, скажем так, произведение жанра. Семьдесят страниц убогистого текста, посвящённых одному вопросу: как именно охраняемое лицо должно говорить, чтобы никто не подумал, что у него есть мнение.

Начиналось с теоретической части. Там объяснялось, что речь охраняемого лица должна отражать его «естественное положение в иерархии Конкордата» и «способствовать гармоничному взаимодействию с лицами вышестоящего статуса». Гармоничное взаимодействие — это, как я поняла, означало «не раздражать». Иерархия Конкордата — это я поняла без объяснений.

Дальше шли правила.

Первое и главное: охраняемое лицо не использует утвердительные конструкции в разговоре с мужчиной. Никогда. Вместо «я хочу воды» — «позволено ли будет попросить о воде». Вместо «мне нужна помощь» — «не сочтёт ли уважаемый возможным оказать содействие». Вместо «мне больно» — и тут я перечитала три раза, думая, что неправильно поняла, — «не исключено, что состояние требует внимания».

То есть если мне плохо — я не говорю «мне плохо». Я говорю «возможно, существуют основания полагать, что самочувствие не вполне оптимально». И это не сарказм, это буквально написано в параграфе четыре, пункте втором, с примерами.

Там были примеры. Целая страница примеров — вопрос и правильный ответ, как в учебнике по иностранному языку. «Куда вы идёте?» — «Если позволено будет сообщить, предполагалось направиться в...» — и дальше куда угодно, но обязательно через «если позволено» и «предполагалось». Не «иду», а «предполагалось направиться». Как будто твои собственные намерения — это что-то, что ещё нужно согласовать.

Я перевернула страницу.

Параграф пятый был про извинения. Охраняемое лицо

приносит извинения в случае любого действия, которое могло вызвать неудобство у лица вышестоящего статуса. Список поводов для извинения был довольно широким: «неожиданное появление в поле зрения», «звуки, произведённые непреднамеренно» и — моё любимое — «взгляд, направленный не в установленном направлении». За взгляд не туда надо было извиниться.

Интересно, как это выглядело на практике. «Прошу прощения, уважаемый, мои глаза ненадолго отклонились от согласованной траектории». Вполне возможно, что именно так.

Второе правило: всё, что охраняемое лицо хочет сделать, формулируется как вопрос или предположение, но не как намерение. Не «я пойду» — а «позволено ли будет». Не «я думаю» — а «осмелюсь предположить». Не «нет» — вообще никак, потому что охраняемое лицо не отказывает напрямую, а выражает «затруднение в исполнении».

Я лежала на кровати и читала это, и у меня было ощущение человека, которому объясняют, что дышать надо не просто так, а в соответствии с утверждённым регламентом. Вдох — пункт один. Выдох — пункт два. Задержка дыхания — только с разрешения лица вышестоящего статуса.

Третье правило касалось обращений. Тут было сложнее, потому что система была разветвлённой. Мужчина старше — «уважаемый» плюс должность или «господин мой», если это владелец. Женщина с должностью — «тётушка» плюс имя. Женщина без должности и старше тебя — «почтенная». Женщина твоего возраста — по имени, но только если она первой представилась. Мужчина твоего возраста — вообще лучше не начинать разговор, пока он не начал сам, во избежание нарушения пункта третьего основного распорядка.

Это была не речь. Это была система паролей, где каждое слово открывало или закрывало определённую дверь, и ошибка в пароле означала не просто неловкость, а что-то более серьёзное — это между строк чувствовалось, хотя прямо нигде не формулировалось.

В конце был глоссарий. Слова, которые охраняемому лицу рекомендовалось «применять с осторожностью» или «избегать в присутствии лиц вышестоящего статуса». Список был длинный. «Требую», «настаиваю», «не согласна», «это неправильно», «вы ошибаетесь» — всё это относилось к категории «недопустимо». «Я считаю», «по моему мнению», «мне кажется» — категория «применять с осторожностью и только если прямо запрошено».

Я закрыла брошюру и некоторое время смотрела в пото-

ЛОК.

С одной стороны, это был язык. Язык можно выучить — у меня с этим никогда не было проблем. С другой стороны, это был не просто язык, это была грамматика подчинения, встроенная в каждую фразу. И проблема была не в том, что я не смогу говорить правильно — смогу, если захочу. Проблема была в том, что каждый раз, когда я буду говорить правильно, я буду говорить не то, что думаю. Буду переводить с человеческого на местный диалект и обратно — постоянно, в реальном времени, не ошибаясь.

Это утомительно. Но выбора особого не было.

Я снова открыла брошюру на параграфе семь и начала разбирать примеры диалогов.

За стеклом было темно — ночь, тихая и равнодушная.

Интересно, сейчас у них там день или тоже ночь. Наверное, другой часовой пояс, другой мир — я понятия не имела, как это работает. Мама сейчас, может, только просыпается. Или уже не спит давно. После такого, наверное, долго не спится — это я читала где-то, что родители, потерявшие

детей, часто перестают нормально спать. Папа, может, уже на кухне, делает кофе и смотрит в окно.

Я позволила себе подумать об этом минуту. Может, чуть больше. Потом убрала эту мысль туда, откуда она пришла, — аккуратно, без насилия, — и вернулась к параграфу семь.

Реш пришла на следующее утро — раньше врача, раньше завтрака, когда за окном только начинало светать. Вошла без предупреждения, что меня слегка удивило, но потом я вспомнила, что стучать перед входом в комнату охраняемого лица, по всей видимости, не предусмотрено ни одним из прочитанных мной документов.

— Доброе утро, Мира, — сказала она, ставя на стул свой неизменный саквояж. — Как спалось?

— Спасибо, хорошо, — сказала я.

Это было неправдой — я спала плохо, потому что слишком много думала, — но так было безопаснее, короче и не требовало уточняющих вопросов.

Реш кивнула и достала из саквояжа термос и два небольших стакана.

— Я принесла травяной отвар, — сказала она. — Для восстановления. Не возражаете?

— Нет, конечно. Спасибо.

Она налила в оба стакана и один протянула мне. Это был неожиданный жест — не казённый, почти человеческий. Я взяла стакан, попробовала. Что-то травяное, чуть сладкое, без химического привкуса. Не то чтобы вкусно, но приятно.

— Вы читали брошюру? — спросила Реш, устраиваясь на стуле с собственным стаканом.

— Да.

— Вопросы есть?

Я посмотрела на неё. Она держалась иначе, чем вчера — чуть расслабленнее, без папки на коленях, без официального тона. Может, утро так на неё действовало. Может, травяной отвар. Или она просто иногда бывала человеком, а не должностным лицом.

— Есть, — сказала я. — Много.

— Спрашивайте.

— Параграф четыре, пункт второй. Про утвердительные конструкции. Это обязательно везде — или только с мужчинами определённого статуса?

— Со всеми мужчинами, — сказала Реш без паузы. — Независимо от статуса. С мужчиной низкого статуса тоже. Это базовое правило.

— А с женщинами?

— С женщинами иначе. Между охраняемыми лицами разговор ведётся свободнее. Вы можете говорить «я думаю» и «я хочу» в разговоре с другой женщиной — если только рядом нет мужчины.

— Если рядом нет мужчины, — повторила я.

— Именно. Присутствие мужчины меняет правила для всего разговора, даже если он в нём не участвует.

Я переварила это. Значит, если я разговариваю с Вессой, служанкой, и рядом проходит какой-нибудь садовник, то я должна мгновенно переключить режим речи. Потому что мужчина в радиусе слышимости. Очень удобно, очень практично, просто отличная система.

— Понятно, — сказала я. — Ещё вопрос. В глоссарии — слова, которые нельзя использовать. «Не согласна», «вы ошибаетесь»... Это запрещено совсем? Или можно как-то иначе сформулировать?

Реш чуть склонила голову — жест, который я уже начала читать как «вопрос интересный».

— Напрямую — запрещено, — сказала она. — Но косвенно — можно. Например: «позволено ли будет уточнить» вместо «вы ошибаетесь». Или «осмелюсь предложить иное прочтение» вместо «я не согласна». Суть та же, форма другая.

— То есть несогласие возможно, если оно правильно упаковано.

— Именно, — сказала Реш, и в её голосе мне почудилось что-то, что не совсем вписывалось в образ казённого попечителя. Не сочувствие — скорее, признание факта. — Форма здесь важнее содержания.

Я сделала глоток отвара и обдумала это.

Форма важнее содержания. Это, в общем-то, был ключ ко

всей системе, и Реш только что мне его отдала — спокойно, между делом, как будто это очевидность, а не информация. Может, для неё это и была очевидность. Может, она жила с этим знанием так давно, что перестала замечать, что это знание.

— Тётушка Реш, — сказала я. — Можно ещё один вопрос? Уже не про брошюру.

— Можно.

— Расскажите мне про Дорра. Про моего... владельца. Я почти ничего не помню.

Реш не торопилась с ответом — взяла свой стакан, сделала глоток, поставила обратно на колено.

— Что именно вы хотите знать? — спросила она наконец.

— Что он за человек. Чем занимается. Как себя вести, когда он придёт.

— Каэн Дорр, — сказала Реш медленно, как будто взвешивала каждое слово. — Блюстителю Порядка второго класса. Оценщик. Отвечает за аттестацию в округе Харн. Уважаемый человек, опытный специалист. — Она чуть помолчала.

— Человек порядка.

Человек порядка. Формулировка была нейтральной до такой степени, что за ней ничего нельзя было прочесть — или, наоборот, можно было прочесть всё что угодно.

— А как себя вести, — повторила я. — Что важно для него?

— Соответствие, — сказала Реш. — Он Оценщик. Он привык замечать несоответствия. Говорите правильно, держитесь правильно и всё будет в порядке.

— А если я что-то сделаю не так? Из-за амнезии.

Реш посмотрела на меня внимательнее, чем до этого.

— Амнезия — это медицинский факт, — сказала она. — Он об этом знает. Разумное снисхождение возможно. Но — не злоупотребляйте этим объяснением.

Последнюю фразу она произнесла тише, и это была, пожалуй, самая ценная информация за всё утро. Не злоупотребляйте. То есть карта амнезии работает — но не безлимитно.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста. — Реш собрала термос и стаканы, защёлкнула саквояж и встала. — Ещё кое-что, Мира. Это не из брошюры, это просто... практика.

Я ждала.

— Когда разговариваете с мужчиной — не торопитесь. Пауза перед ответом выглядит как обдуманность, не как медлительность. И не смотрите прямо... вы помните пункт пять?

— Взгляд не выше подбородка.

— Не выше подбородка, — подтвердила она. — Но и не в пол. В пол — это покорность, это другой сигнал. Примерно в район воротника — вот правильно. Это называется «спокойный взгляд».

Покорность — это другой сигнал. Спокойный взгляд — это в район воротника. У них тут была целая семиотика взгляда, и за каждым углом зрения стояло своё значение.

— Спасибо, тётушка Реш, — сказала я. — Это очень полезно.

— Поправляйтесь, — сказала она и вышла.

Я осталась с пустым стаканом из-под отвара, брошюрой на тумбочке и ощущением, что Реш только что дала мне больше, чем была обязана. Намеренно или нет — я не знала. Но то, что она сказала про взгляд, в брошюре не было. Это было что-то другое. Практика, как она сама выразилась.

Я убрала стакан на поднос и начала мысленно репетировать.

Не торопиться с ответом. Взгляд в район воротника. Утвердительное — в вопросительное. Несогласие — в уточнение. «Осмелюсь предположить» вместо «я думаю».

Дорр придёт сегодня. Он Оценщик — человек, который профессионально замечает несоответствия. И у меня было несколько часов, чтобы стать максимально соответствующей.

Не потому что я собиралась быть такой всегда. А потому что сначала нужно было понять, с чем именно я имею дело.

Врач пришёл в десять, как и вчера. Осмотр был короче — несколько вопросов, фонарик в глаза, пометка в планшете.

Он снова говорил о моём состоянии в адрес дежурной, а не меня, и я снова сидела смирно и наблюдала.

На этот раз я смотрела на него иначе — не просто фиксировала, а читала. Как он держится. Куда смотрит. Как реагирует, когда я говорю, и как — когда молчу.

Он держался уверенно, но не агрессивно. Смотрел на дежурную, когда говорил о моём состоянии — не потому что демонстративно меня игнорировал, а просто потому что именно так это у них делалось. Рутинка. Когда я задала вопрос вчера и он остановился — в нём не было раздражения. Было лёгкое удивление, потом нейтральность, потом ответ по протоколу.

Он не был жестоким человеком. Он был человеком внутри системы, которая давно уже не казалась ему странной.

Это, честно говоря, было сложнее всего принять.

— Завтра выписка, — сказал он дежурной, закрывая планшет. — Если сегодняшний визит пройдёт нормально.

Если сегодняшний визит пройдёт нормально.

Я переспрашивать не стала.

После того как врач ушёл, я попросила у дежурной зеркало. Она удивилась — немного, ненадолго, — но принесла небольшое прямоугольное зеркало в пластиковой рамке и поставила на тумбочку.

Я смотрела на своё новое лицо.

Темноволосая, немного бледная после больницы, с заживающим синяком на скуле — почти сошёл, но ещё желтоватый по краям. Черты обычные — не некрасивая, но и не та, которую запоминают с первого взгляда. Карие глаза. Прямой нос. Рот, который в спокойном состоянии выглядит чуть серьёзнее, чем надо.

Меня это лицо не знало. Я его — тоже. Мы смотрели друг на друга через стекло и пытались договориться.

Я попробовала несколько выражений. Нейтральное — получилось слишком напряжённым, между бровей появлялась складка, которую я не контролировала. Мягче — уже лучше, но что-то в уголках глаз оставалось настороженным. Потом нашла что-то среднее — ровное, спокойное, поверхность без ряби. Не покорность, не вызов. Просто лицо человека, у которого всё нормально.

Вот это работало.

Практиковала взгляд — в район воротника воображаемого собеседника, не в пол, не прямо. Угол нашла быстро, запомнила. Потом попробовала паузу перед ответом... Реш сказала, что это выглядит как обдуманность. Мысленно со- считала до двух, ответила. Снова. Ещё раз.

Со стороны это, наверное, выглядело странно — девушка в больничной палате разговаривает с зеркалом и молчит перед ответом. Но дежурная читала свою папку и не смотрела в мою сторону, так что всё было в порядке.

Потом убрала зеркало, легла и закрыла глаза.

Крис внутри сказала: ну, давай посмотрим на этого твоего Дорра.

Мира снаружи промолчала. У неё была роль, и она была к ней готова.

Примерно.

Глава 4. Достопочтенный Дорр

Он пришёл после обеда.

Я услышала его раньше, чем увидела — не голос, а изменение в коридоре. Дежурная, которая до этого тихо сидела с папкой, вдруг выпрямилась и поставила папку на колени аккуратнее, чем обычно. Потом встала. Это было красноречиво само по себе.

Дверь открылась, и вошли двое — сначала мужчина в форменном тёмно-сером костюме, явно сопровождающий, который сразу отступил к стене и стал частью интерьера. За ним — Дорр.

Я смотрела в район его воротника.

Лет сорока, может чуть старше. Невысокий, но держится так, что это не сразу замечаешь — осанка из тех, которые вбивают в детстве и которые потом не пропадают. Волосы тёмные с сединой на висках, аккуратно причёсанные. Лицо сухое, с резкими чертами, без лишнего. Костюм хорошего кроя, не парадный, но явно не повседневный — что-то среднее, что надевают на важные, но рабочие встречи.

Дорр вошёл в палату и остановился у кровати, не близко, на расстоянии нескольких шагов. Посмотрел на меня. Я смотрела на его воротник. Галстук тёмно-синий, узел ровный. Маленький значок на лацкане — такой же, как у Реш, но другой формы.

— Мира, — сказал он.

Не вопрос, не приветствие. Просто имя — констатация того, что я существую и нахожусь здесь. Как говорят «стул» или «окно», просто обозначают предмет.

— Господин мой, — сказала я.

Он чуть наклонил голову — не поклон, просто движение, которое означало «принято». Потом повернулся к дежурной.

— Оставьте нас.

Дежурная собрала папку и вышла быстро, без лишних движений — так выходят люди, привыкшие выходить именно тогда, когда им говорят. Я мысленно отметила: даже не спросила, нужно ли мне что-нибудь. Просто ушла, потому что так было велено. Сопровождающий остался у стены и превратился в часть интерьера — профессионально и почти красиво.

Дорр придвинул стул и сел. Не спрашивая разрешения — у себя дома не спрашивают разрешения сесть, а я, судя по всему, была чем-то вроде его дома. Положил руки на колени, посмотрел на меня спокойно и внимательно — именно так, как смотрит человек, который привык оценивать.

Я смотрела в район его галстука и думала, что в другой жизни — буквально в другой жизни — я бы сейчас смотрела ему в глаза. Это было бы нормально. Это было бы единственным нормальным вариантом, потому что смотреть в глаза — это и есть разговор. А тут я смотрела на галстук, и это тоже было нормально, и именно в этом заключалась разница между моим старым миром и этим.

— Как самочувствие? — спросил он.

Я сосчитала до двух.

— Лучше, господин мой. Голова не болит, силы возвращаются.

— Хорошо. — Он не выглядел особенно обрадованным — скорее, удовлетворённым, как бывает, когда вещь починили правильно и в срок. — Память?

— Частично. Многое ещё не вернулось.

— Врач говорил. — Он кивнул — коротко, не развёрнуто.

— Это пройдёт.

Он произнёс это с той уверенностью, с которой произносят вещи, которые им не нужно проверять — они просто так считают, и этого достаточно.

Я ждала, что будет дальше.

Дорр некоторое время молчал, разглядывая меня. Не неприятно — не так, как смотрят с интересом на человека, и не так, как смотрят с презрением. Скорее профессионально, как смотрят на то, что надо правильно оценить.

— Синяк почти сошёл, — сказал он наконец.

— Да, господин мой.

— Хорошо заживает... Ты выглядишь лучше, чем в прошлый раз.

Это было первое, что он сказал мне напрямую — не вопрос, не команда, а что-то почти похожее на замечание. Я не знала, как на него реагировать, и выбрала нейтральное:

— Благодарю, господин мой.

Он чуть склонил голову снова — то же движение, что и раньше.

— Завтра выписка, — сказал он. — Врач подтвердил. Я приеду с утра, к девяти.

— Понятно, господин мой.

— Вещи соберут. От тебя ничего не потребуется.

Он говорил о моих вещах так, как говорят о вещах — нейтрально, по-деловому, без злого умысла. Просто информация. Просто порядок дел.

Я смотрела на его галстук и думала, что Реш была права насчёт одного: он не был ни жестоким, ни особенно добрым. Он был человеком с представлением о том, как всё должно быть устроено, и это представление работало у него внутри так же тихо и бесперебойно, как работает сердце — незаметно, без усилий, просто всегда.

— Господин мой, — сказала я.

Он посмотрел на меня — с лёгким ожиданием. Охраняемое лицо обращается, значит, что-то нужно.

— Позволено ли будет задать вопрос?

Он кивнул.

— Не могли бы вы рассказать мне немного о доме? Я... помню плохо. Не хотела бы оказаться в затруднении по возвращении.

Это был осторожный вопрос, я формулировала его с утра, параллельно с упражнениями перед зеркалом. «Не хотела бы оказаться в затруднении» звучало правильно: не «я не знаю», а «я хочу быть полезной и не создавать проблем». В брошюре это называлось «ориентация на нужды лица вышестоящего статуса» — и это, судя по всему, была именно та формулировка, которая открывала нужные двери.

Крис внутри скривилась. Мира снаружи ждала ответа с вежливым выражением лица.

Дорр смотрел на меня несколько секунд дольше, чем до этого.

— Дом большой, — сказал он наконец. — Весса покажет,

что нужно. Она в доме давно, знает порядок.

— Благодарю, господин мой.

— Есть люди, которых ты помнишь? Из тех, кто бывал в доме?

Я покачала головой.

— Почти ничего, — сказала я. — Лица иногда появляются, но имена не приходят.

Это было правдой, в той мере, в которой у меня вообще могла быть правда о прошлом Миры.

Дорр кивнул — без сочувствия, без раздражения, просто принял информацию.

— Память вернётся, — повторил он. — Не торопи.

В этом «не торопи» не было ни мягкости, ни жёсткости. Просто указание. Как «не наклоняй» или «не ставь туда».

Он поднялся со стула — движением человека, у которого время распределено и встреча завершена. Одёрнул пиджак. Посмотрел на меня ещё раз — тем же оценивающим, про-

фессиональным взглядом.

— До завтра, — сказал он.

— До завтра, господин мой.

Он вышел. Сопровождающий вышел следом, тихо прикрыв дверь.

Я сидела на кровати и смотрела на закрытую дверь.

Сколько примерно длился визит я не засекала, но по внутреннему ощущению было двенадцать минут или около того. Двенадцать минут, десять реплик с моей стороны, все в пределах допустимого, один вопрос прошёл нормально. Синяк заживает хорошо. Завтра в девять.

Реш говорила — человек порядка. Это было точно. У него в голове был порядок, и всё, что существовало вокруг него, либо в этот порядок вписывалось, либо требовало коррекции. Я пока что вписывалась — молчала когда надо, говорила когда спрашивали, смотрела в воротник. Один вопрос задала — не получила ни отказа, ни подозрения.

Неплохо для первого раза.

Вопрос был в том, что будет дальше. Когда то придёт время возвращаться к «нормальному» поведению Миры, а я не знала ни что это такое, ни когда это время наступит. Мне нужна была информация о прежней Мире, и взять её было практически нигде — кроме как от людей, которые её знали.

Вошла дежурная — та же, что уходила. Принесла воду, поставила на тумбочку, вышла. Весь этот манёвр занял всего несколько секунд и не сопровождался ни единым словом.

Я взяла стакан, сделала глоток и подумала о Вессе — той, которую Дорр упомянул. Давно в доме, знает порядок. Значит, знает и то, что было до меня. Значит, будет сравнивать — сознательно или нет.

Это требовало внимания.

Я поставила стакан обратно и открыла брошюру на параграфе про «Взаимодействие с персоналом домашнего хозяйства». Там тоже были правила. Конечно, были.

Я дочитала до конца параграфа, когда в дверь постучали. Это было неожиданно — до этого никто не стучал, просто входили. Я убрала брошюру под одеяло.

— Войдите.

Вошла женщина — невысокая, плотная, лет пятидесяти пяти, с волосами, собранными в строгий узел на затылке. Одета в тёмное платье с белым воротником, фартук снят, значит, пришла не по хозяйству, а специально. В руках небольшая корзина, накрытая тканью.

Она остановилась у двери, посмотрела на меня — внимательно, спокойно, с выражением человека, который умеет смотреть и не показывать, что именно видит.

— Мира, — сказала она. Тоже констатация, как у Дорра, но другая — там было «я проверяю, что ты на месте», а тут было что-то ещё. Может быть, «я смотрю, узнаешь ли ты меня».

Я её не узнавала. Но предположить было несложно.

— Весса? — сказала я.

Что-то в её лице слегка изменилось — не удивление, скорее небольшое облегчение.

— Да. — Она прошла к кровати и поставила корзину на тумбочку. — Господин Дорр сказал, что вы плохо помните. Я подумала — принесу кое-что. Чтобы было что-нибудь зна-

комое рядом.

Она откинула ткань. В корзине лежали: небольшой флакон с чем-то — духи, судя по форме, — мягкий шарф в серо-голубую клетку, маленькая книжка в тёмной обложке и пара тёплых носков.

— Шарф ваш любимый, — сказала Весса. — Вы его часто носили. Может, вспомните.

Я смотрела на шарф. Серо-голубой, тонкой вязки, один угол чуть вытянут — от привычки теревить. Мира тербила шарф, когда нервничала. Это был чей-то характер, живой и конкретный, и сейчас этот характер лежал в корзине на больничной тумбочке.

— Спасибо, — сказала я. — Это... это хорошо, что вы принесли.

Весса кивнула. Смотрела на меня всё с тем же внимательным, закрытым выражением — что-то взвешивала, что-то проверяла, но что именно — я не могла прочесть.

— Завтра едем домой, — сказала она наконец. — Если что понадобится по дороге — скажите мне, не стесняйтесь.

Не стесняйтесь. Интересный выбор слов для человека в её положении — не «обращайтесь» и не «я помогу», а именно «не стесняйтесь». Как будто она знала, что я могу постесняться, и специально убирала этот барьер.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо, Весса.

Она забрала пустую корзину и пошла к двери. У выхода остановилась, чуть обернулась.

— Рада, что вы поправились, — сказала она. Просто так. Без казённости.

И вышла.

Я смотрела на шарф ещё несколько секунд, потом взяла его в руки. Мягкий, чуть потёртый в одном месте на сгибе. Пах чем-то слегка знакомым — не моим, но и не чужим. Что то среднее.

Весса была интересным человеком. И, судя по всему, знала Миру лучше, чем кто-либо другой в этом доме.

Вечером, когда дежурная вышла за чем-то в коридор, я наконец позволила себе подумать о том, о чём старательно не думала весь день.

Дорр был тем, кто её бил.

Не абстрактно — конкретно: этот человек в тёмно-сером костюме с ровным узлом галстука, который сидел на стуле и говорил «хорошо заживает» про синяк на скуле, — он был источником этого синяка. И всего остального, что врач занёс в карту с той паузой, повторив «все» дважды.

Я это знала с первого дня. Просто весь день занималась тем, чтобы это знание лежало в стороне и не мешало думать о практических вещах. Язык, взгляд, форма ответа, первый разговор — всё это требовало головы без лишних эмоций.

Теперь первый разговор был позади.

Он не выглядел как чудовище. В этом была вся сложность, и я подозревала, что именно в этом и состоит главная особенность этого мира — что чудовища тут в принципе не нужны. Достаточно людей, у которых есть чёткое представление о порядке, и которые прибегают к коррекции, когда что-то из этого порядка выбивается. Без ненависти. Без наслаждения. Просто — коррекция, как правят гаечным ключом болт, ко-

торый начал шататься.

Я лежала и смотрела в потолок, и думала, что злиться на него было бы примерно как злиться на гаечный ключ. Инструмент делает то, для чего он создан. Вопрос был в другом — в системе, которая решила, что болты должны быть закручены именно так и никак иначе.

С уверенным человеком сложнее, чем со злым — Реш была права, не говоря этого вслух. Злой реагирует, значит, у него есть точки, на которые можно нажать. Уверенный просто продолжает жить в соответствии со своим порядком, и любое давление он воспринимает не как аргумент, а как ещё одно отклонение, требующее коррекции.

Значит, давить бессмысленно. Отлично. Будем умнее.

Я перевернулась на бок и закрыла глаза.

Завтра в девять он приедет забирать меня домой. В дом, которого я не помню и не знаю. К Вессе, которая давно там живёт и которая будет сравнивать меня с Мирой, сознательно или нет. В жизнь, у которой были правила задолго до того, как я в неё попала.

Первое правило выживания в незнакомой среде: не делай

резких движений, пока не знаешь, на что она реагирует.

Я это знала. Крис это знала тоже.

Мы обе решили поспать.

Это было, пожалуй, самое разумное решение за весь день.

Глава 5. Тени

Реш пришла рано утром, ещё до завтрака — когда за окном только-только начинало светать и дежурная ночной смены ещё не сдала пост дневной. Вошла тихо, без стука, поставила на тумбочку небольшой бумажный пакет и присела на стул.

— Не спите? — спросила она.

— Нет, — сказала я.

Это была правда — я не спала уже минут сорок, лежала и прокручивала в голове вчерашний визит, Вессу, шарф с вытянутым углом и всё то, что мне предстояло узнать о доме, в который я ехала.

— Хорошо, — сказала Реш. — Тогда поговорим.

Она достала из пакета два бумажных стакана с чем-то горячим — снова травяной отвар, судя по запаху — и один протянула мне. Я взяла. Мы сидели в утренней полутьме, пили горячее, и Реш смотрела на меня с тем своим внимательным, взвешивающим взглядом.

— Вы хорошо держались вчера, — сказала она наконец.
— Господин Дорр остался доволен.

— Я рада, — сказала я.

— Это не похвала, — поправила Реш. — Это информация для принятия к сведению. Доволен — значит, завтра будет проще. Недоволен — сложнее. Вам полезно будет это знать.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо.

Реш кивнула и сделала глоток отвара.

— Мира, — сказала она. — Есть вещи, о которых вам нужно знать до выписки. Не из брошюры — брошюра это основы. Есть кое-что другое.

Я ждала.

— Вы помните, что такое Тень?

Я не знала. И это был первый раз, когда мне задали вопрос, ответ на который у меня был совершенно честным.

— Нет, — сказала я. — Не помню.

Реш поставила стакан на тумбочку и сложила руки на коленях — жест человека, который собирается объяснять что-то с начала.

— У каждого человека есть Тень, — сказала она. — Это... сущность. Присутствие. Она связана с вами, с вашим сознанием. В обычных условиях её почти не видно — при дневном свете, в спокойной обстановке. Но в темноте или при сильных чувствах она проявляется. Как силуэт, как движение рядом с вами.

Я осторожно кивнула, давая понять, что слушаю.

— Конкордат считает Тень истинной природой человека, — продолжила Реш. — Официальная доктрина говорит: Тень — это воля без слабости разума. Чем она сильнее — тем ближе человек к своей природе. Подавлять её считается отклонением.

— Подавлять, — повторила я. — Значит, её можно подавлять?

— Можно. — Реш на секунду отвела взгляд. — Для этого есть препараты. И другие методы. У женщин Тень по норме должна быть... тихой. Спокойной. Такой, которая следует за владельцем, а не действует сама.

Вот оно.

Я смотрела на Реш и думала о двух белых таблетках, которые до сих пор лежали под матрасом. Поддерживающая терапия. Очень информативно, да.

— А если не тихая? — спросила я.

Реш посмотрела на меня. Её взгляд был ровным, но что-то в нём чуть изменилось — стал внимательнее, что ли.

— Тогда это фиксируется при аттестации, — сказала она. — Оценщики проводят аттестацию раз в несколько лет. Определяют ранг — у мужчин пять рангов, у женщин три. По результатам выдают свидетельство. Ранг определяет статус.

— А третий ранг у женщин, — сказала я. — Что это значит?

Реш помолчала. Недолго, но достаточно, чтобы я поняла: то, что она скажет дальше, она говорит не из обязанности.

— Третий ранг означает направление в Дом коррекции, — сказала она. — Это учреждение, где... работают с Тенью.

Приводят её в норму.

— Работают, — повторила я.

— Да.

Больше она не добавила. Я не спрашивала подробностей — интонация была достаточно красноречивой.

Я сделала глоток отвара. Он успел немного остыть, и вкус стал отчётливее — что-то с мятой и ещё чем-то горьковатым.

— Господин Дорр — Оценщик, — сказала я..

— Да, — сказала Реш. — Оценщик второго ранга. Хороший специалист. Он умеет читать Тени точнее большинства своих коллег.

Оценщик, который умеет читать Тени точнее большинства. И который живёт в одном доме с моей Тенью, которая — я чувствовала это, хотя и не понимала толком — вела себя как-то иначе, чем положено.

Это была неприятная мысль. Я отложила её в сторону и сформулировала следующий вопрос.

— Тётушка Реш. А как выглядит... нормальная Тень? У женщины. Как понять, что с ней всё в порядке?

Реш смотрела на меня несколько секунд.

— Нормальная Тень следует за хозяйкой, — сказала она медленно. — Повторяет её движения. Не смотрит в стороны. Не двигается самостоятельно. Если хозяйка спокойна, то и Тень спокойна. Если хозяйка напугана, то Тень сжимается. Она просто зеркало.

— Понятно, — сказала я.

Просто зеркало. Значит, Тень, которая смотрит не туда — это уже непорядок. Тень, которая стоит прямо, когда хозяйка кланяется, — это непорядок вдвойне. Я не знала, что делала моя Тень, но предположить могла. С учётом того, кто в этом теле жил последние несколько дней.

— Ещё один вопрос, — сказала я. — Препараты, которые мне давали здесь. Это... для Тени?

Реш взяла свой стакан — он уже точно остыл, — сделала глоток и поставила обратно.

— Стандартное назначение при травмах головы, — ска-

зала она ровно. — Для восстановления. Ничего специфического.

Она не ответила на вопрос. Она ответила на другой вопрос, которого я не задавала. Это тоже был ответ — просто другого рода.

— Ясно, — сказала я.

Мы помолчали. За окном стало светлее — утро набирало силу, и в палату начинал просачиваться серый дневной свет.

— Мира, — сказала Реш. — Я хочу сказать вам кое-что. Не как попечитель учреждения. Просто как... — она на секунду остановилась, подбирая слово, — как женщина, которая давно работает в этой системе.

Я ждала.

— Господин Дорр — человек порядка, — сказала она. — Это я уже говорила. Но порядок, который он ценит — это предсказуемость. Он не любит сюрпризов. Если вы ведёте себя так, как он ожидает, — всё спокойно. Если нет...

Она не договорила. Я понимала, почему.

— Амнезия даёт вам пространство, — продолжила Реш.
— Воспользуйтесь им правильно. Не для того, чтобы делать то, чего нельзя. А для того, чтобы... вспоминать постепенно. Не всё сразу. Понимаете?

— Понимаю, — сказала я.

— Хорошо. — Она встала, собрала стаканы, убрала в пакет. — Тогда последнее. Весса — хороший человек. Она давно в доме и знала вас. Если вам будет нужна помощь — а она будет нужна и это нормально, — к ней можно обратиться. Осторожно, но можно.

— Спасибо, тётушка Реш.

Она кивнула и пошла к двери. У порога остановилась — я уже привыкла, что она это делает.

— Держитесь, Мира, — сказала она. Тихо, без казённости. — Голова у вас работает. Это главное.

И вышла.

Я лежала и смотрела в потолок, и в голове укладывалось

то, что я только что узнала.

Тени существуют. У каждого человека. Они реальны, их видят, их читают. Оценщики умеют их читать профессионально, и Дорр — один из лучших. Женские Тени по норме должны быть «тихими» — зеркалами, которые просто следуют за хозяйкой и не делают ничего самостоятельно. Отклонение от нормы — это третий ранг и Дом коррекции. Препараты, которые мне здесь давали, — «стандартное назначение», да, конечно.

И где-то рядом со мной — моя собственная Тень, о которой я не знала ровным счётом ничего. Ни что она делает. Ни как выглядит. Ни насколько она отличается от того, что считается нормой.

Я покосилась на стену рядом с кроватью. Утренний свет давал слабые, размытые тени от предметов — от стойки, от тумбочки, от угла рамы. Обычные тени, геометрия и освещение. Ничего живого.

Я медленно подняла руку. Её тень на стене повторила движение — правильно, синхронно, как и должна. Опустила руку. Тень опустилась.

Я попробовала ещё раз — медленнее, наблюдая внима-

тельно. Потом быстро. Потом резко — дёрнула рукой в сторону и тут же вернула на место. Тень каждый раз повторяла мои движения, без задержки и без отклонений.

Может, всё в порядке. Может, ничего такого нет.

Но Реш сказала, что при сильных чувствах Тень проявляется отчётливее. А я последние несколько дней была на редкость спокойной — по необходимости, потому что нельзя было иначе. Возможно, поэтому её и не видно.

Но где-то под матрасом лежало утреннее лекарство, которое я убрала подальше ещё в больнице. И Реш только что объяснила мне, для чего в этом мире существуют препараты, которые назначают охраняемым лицам при «стандартных» ситуациях.

Я убрала руку под одеяло.

Сегодня меня выписывают. Сегодня я еду в дом, где живёт Оценщик, который умеет читать Тени точнее большинства коллег. И где живёт Весса, которая знала Миру и будет сравнивать.

Пространство для манёвра маленькое. Информации минимум. Союзников ноль, если не считать осторожного «к

Вессе можно обратиться» от женщины, которая сама часть системы.

Крис в другой жизни сказала бы: ну и зачем ты выбрала тоталитаризм.

Крис в этой жизни промолчала.

Потому что, если честно, ответ был понятен. Потому что средневековый охотник с женой в избе — это тупик. А тупики скучны. А это нет.

Страшно. Но не скучно.

Я встала с кровати, подошла к окну и посмотрела на город, который ещё толком не видела. Харн с высоты четвёртого этажа выглядел как все провинциальные города — немного серый, немного приземистый, с одним высоким зданием где-то вдаль, которое, видимо, считалось достопримечательностью. Улицы внизу были почти пустыми — рано ещё. По тротуару шла женщина с сумкой, быстро, не поднимая головы. За ней — чуть поодаль — мужчина в пальто, который шёл медленнее и вообще-то никуда не торопился.

Женщина не подняла голову, когда он проходил мимо. Просто не подняла.

Я смотрела на это несколько секунд, потом отошла от окна.

Женщина с сумкой уже скрылась за углом. Мужчина в пальто остановился у какой-то витрины и разглядывал её с тем видом, с каким люди разглядывают вещи, которые им не нужны, но заняться больше нечем.

Обычное утро. Обычный город. Система работала тихо и незаметно, встроенная в каждое маленькое действие — в то, как женщина не поднимает голову, в то, как пространство между ней и мужчиной на улице распределялось по умолчанию.

Я не злилась. Злость в данный момент была бы непозволительной роскошью — она хороша, когда есть куда её направить, а куда направлять, я пока не знала. Поэтому я просто смотрела и запоминала. Это всегда было первым шагом — понять, как оно устроено, прежде чем думать, что с этим делать.

Я достала из-под матраса спрятанное лекарство и подержала на ладони. Тёплое от тепла тела — пролежало там всю ночь. Так называемая поддерживающая терапия.

Потом подошла к умывальнику и смыла их в раковину.

Пусть Тень будет такой, какой она будет. Хотя бы пока я не пойму, что именно происходит.

Вода унесла лекраство, и раковина стала чистой. Я вытерла руки, посмотрела на себя в маленькое зеркало над умывальником — лицо Миры смотрело в ответ ровно, спокойно, с той самой «поверхностью без ряби», которую я нашла на репетиции.

Хорошо.

Едем.

Глава 6. Харн

Дорр приехал ровно в девять.

Не в девять пять, не в девять три — в девять. Я услышала его шаги в коридоре за несколько секунд до того, как открылась дверь, и мысленно отметила: человек, который приходит ровно тогда, когда сказал, — это либо очень пунктуальный человек, либо человек, который считает, что мир должен работать в соответствии с его расписанием. Судя по всему, у Дорра это было одно и то же.

Он вошёл, окинул взглядом палату — убедился, что всё собрано, что я одета и готова, — и кивнул. Никакого «доброе утро», никакого «как себя чувствуете». Просто кивок, означавший «хорошо, едем».

— Господин мой, — сказала я.

— Вещи взяла?

— Да.

Вещей было немного — корзина от Вессы с шарфом, книжкой и остальным, плюс брошюра, которую я аккуратно

убрала на дно. Всё это помещалось в одну небольшую сумку, которую дежурная принесла с утра.

Дорр посмотрел на сумку, потом на меня.

— Идём.

Мы вышли в коридор. Дорр шёл впереди, сопровождающий — сзади, я посередине, что само по себе было красноречивой геометрией. Коридор учреждения был длинным и таким же белым, как палата, только шире — по обе стороны двери, у некоторых сидели дежурные, у некоторых нет. При появлении Дорра те, кто был в коридоре, отступали чуть в сторону и чуть опускали взгляд. Рефлекторно, без остановки — просто перестраивались, как вода обтекает препятствие.

Он этого не замечал. Или замечал, но не фиксировал — настолько это было нормой.

У выхода нас ждала Весса — в пальто, со своим неизменным саквояжем. Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то — не тревога, но близко к ней, — потом быстро исчезло.

— Мира, — сказала она. — Готовы?

— Да, — сказала я.

Мы вышли на улицу.

Харн в девять утра выглядел иначе, чем в окне четвёртого этажа.

Было холоднее, чем я ожидала — не мороз, но промозглый, влажный холод, который залезает под одежду и остаётся там. Я невольно втянула голову в плечи, и Весса это заметила — молча достала из саквояжа тот самый серо-голубой шарф и протянула мне. Я намотала его на шею.

Город был живым. Не в смысле шумным — в смысле настоящим, с запахом выхлопа и чего-то жареного от ближайшего киоска, с людьми, которые шли по своим делам и не обращали на нас внимания. Машины, витрины, афишные тумбы с объявлениями — всё это было знакомым по форме и чужим по содержанию.

Нас ждал автомобиль — тёмный, большой, с шофёром, который открыл дверь при появлении Дорра. Дорр сел на переднее сиденье, я и Весса — сзади. Сопровождающий устроился где-то отдельно, я не уследила.

Машина тронулась.

Я смотрела в окно.

Центр Харна был плотным — дома стояли близко, улицы были узкими, и на каждом перекрёстке что-то происходило: торговля, разговоры, спор двух мужчин у входа в какое-то заведение. Потом улицы стали чуть шире, дома — чуть ниже и просторнее. Деревья, ограды, таблички с названиями кварталов — я читала их автоматически, запоминала, складывала в голове карту.

— Это центральный район, — тихо сказала Весса рядом со мной. Она смотрела туда же, куда я — в окно, на город. — Мы едем на север. Наш квартал называется Тихий Двор.

— Тихий Двор, — повторила я.

— Там тихо, — сказала Весса. — Преимущественно.

В её «преимущественно» мне почудилась ирония. Очень маленькая, очень аккуратная — из тех, которые существуют только если хочешь их услышать.

— Вы там давно? — спросила я.

— Двенадцать лет, — сказала Весса.

Двенадцать лет. Значит, она появилась в доме Дорра ещё до Миры — если Мире было двадцать два и Дорр получил её несколько месяцев назад. Весса видела этот дом во всех его версиях и при всех его обитателях.

— Вы помните, какой я была? — спросила я. — Ну, раньше. До аварии.

Весса посмотрела на меня. Не удивлённо — задумчиво.

— Помню, — сказала она.

— Какой?

Она помолчала секунду.

— Аккуратной, — сказала она наконец. — Тихой. Старалась всё делать правильно.

В этом «старалась» была пауза — крошечная, но я её услышала. Старалась. Не делала — старалась. Что-то за этим стояло, но что именно — я не знала, и спрашивать напрямую было рано.

— Ясно, — сказала я. — Спасибо.

Весса кивнула и снова посмотрела в окно.

Дорр на переднем сиденье не оборачивался и, судя по его затылку, не слушал. Или слушал, но не показывал. С Оценщиком это было сложно определить.

Я тоже посмотрела в окно.

Город менялся по мере того, как мы ехали. Центральный район сменился более просторными улицами, потом появились высокие каменные ограды, за которыми угадывались большие дома с садами. Деревья вдоль дороги были голыми — поздняя осень или ранняя зима, листья уже облетели, и ветки рисовали в сером небе тонкий запутанный узор.

На одной из улиц я увидела группу женщин — четыре или пять, в одинаковых тёмных пальто, шли быстро, по двое, глядя в землю. Рядом с ними — чуть поодаль, явно не с ними, — шёл мужчина с бумагами под мышкой. Женщины его не замечали. Или делали вид.

Я смотрела на это несколько секунд и вдруг подумала про маму. Не знаю почему именно сейчас — наверное, потому

что мама тоже всегда шла быстро и всегда смотрела прямо перед собой, только по другим причинам. Она просто торопилась, у неё всегда было слишком много дел. Интересно, как она теперь ходит. Медленнее, наверное.

Потом улица кончилась, и мы свернули в переулок.

Тихий Двор оказался именно таким, каким его описала Весса. Широкая тихая улица, по обе стороны — высокие заборы из тёмного камня. Деревья выступали над заборами, сбросив листья, и между ними проглядывали крыши. Людей почти не было — только в самом конце улицы, у ворот одного из домов, стоял мужчина и разговаривал с кем-то невидимым за оградой.

Машина остановилась у кованых ворот — тёмных, с небольшим гербом в центральном пролёте. Шофёр вышел, ворота открылись изнутри — кто-то ждал.

— Приехали, — сказала Весса.

Я посмотрела сквозь открытые ворота.

Дорожка из плоских серых камней вела к дому — двухэтажному, тёмно-серой кладки, с большими окнами и широким крыльцом. По обе стороны дорожки — голые клумбы,

ждущие весны, и несколько вечнозелёных кустов, подстриженных в аккуратные шары. Дом был красивым в той степени, в которой красивы вещи, за которыми хорошо ухаживают, — без излишества, но без пренебрежения.

Крис внутри сказала: ничего себе тюрьма.

Мира снаружи вышла из машины.

Внутри дом пах деревом и чем-то слегка травяным — не аптечным, а именно домашним, как пахнет в домах, где давно живут и давно готовят. В просторной прихожей нас встретила ещё одна женщина — молодая, лет двадцати пяти, в тёмном платье с белым фартуком. Она поклонилась Дорру, потом посмотрела на меня с осторожным любопытством и тут же отвела взгляд.

Дорр разделся, отдал пальто молодой женщине и повернулся ко мне.

— Весса покажет дом, — сказал он. — Отдыхай сегодня. Завтра поговорим.

— Благодарю, господин мой.

Он прошёл куда-то вглубь дома и исчез — без лишних слов, без объяснений, просто ушёл по своим делам. Сопровождающий остался у входа.

Молодая женщина смотрела на меня.

— Это Нэй, — сказала Весса. — Помогает по хозяйству.

— Здравствуй, Нэй, — сказала я.

Нэй чуть покраснела — не от смущения, скорее от неожиданности — и снова поклонилась. Мне. Охраняемое лицо поздоровалось с ней напрямую, по имени, и это было, судя по всему, не совсем стандартно.

Весса это заметила и ничего не сказала.

— Пойдёмте, — сказала она мне. — Покажу ваши комнаты.

Мои комнаты — множественное число, это было интересно — оказались на втором этаже, в конце короткого коридора. Спальня с большой кроватью и двумя окнами, выходящими в сад, и маленькая комната рядом — что-то вроде гардеробной или личного кабинета. Мебель тёмного дерева,

ткани в приглушённых тонах, всё аккуратно и без лишнего.

Я подошла к окну.

Сад был небольшим — огороженный теми же каменными стенами, с несколькими деревьями, голыми клумбами и узкими дорожками. В дальнем углу стояло что-то вроде беседки, закрытой на зиму. Здесь было тихо: серое небо нависало низко, ветер лениво шевелил ветки, и больше ничего не двигалось. Кладбищенская тишина. Ну да, уютненько.

— Нравится? — спросила Весса за спиной.

— Да, — сказала я. — Красиво.

— Вы раньше любили этот сад, — сказала Весса. — Летом там хорошо.

— Весса, — сказала я, не оборачиваясь. — Когда Дорр говорит «поговорим», это обычно о чём?

Весса помолчала.

— По-разному, — сказала она. — Иногда о хозяйстве. Иногда о расписании. Иногда просто... как дела.

В «просто как дела» она чуть запнулась — я уже научилась это слышать.

— Понятно, — сказала я.

— Ложитесь отдохнуть, — сказала Весса. — Обед в час. Я пришлю Нэй.

— Спасибо.

Весса ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна в чужой спальне с видом на голый зимний сад и подумала, что первый день в этом доме прошёл вполне — никаких скандалов, никаких провалов, ни одного нарушения пункта пять. Дорр доволен, Весса настороже, Нэй удивлена.

Неплохо.

Я сняла шарф и повесила на спинку кресла. Потом села на край кровати и прислушалась к тишине дома — к его звукам, к тому, как он дышит. Где-то внизу было движение — на кухне, судя по направлению звуков. Скрипнула дверь. Мужские шаги где-то в глубине первого этажа, потом они стихли.

Дом жил своей жизнью, в которой у меня была роль — маленькая, тихая, предсказуемая. Охраняемое лицо в спальне на втором этаже.

Крис на кровати смотрела в потолок и думала, что нужно сделать в первую очередь.

Первым делом — понять и изучить дом. Где и что находится, кто куда ходит, у кого какие привычки. Это займёт несколько дней, и торопиться здесь было нельзя. Весса была отдельным вопросом — она знала Миру, она осторожная, и в ней есть что-то, что не совпадало с образом просто хорошей служанки. К ней следовало подходить медленно. Разговор с Дорром завтра был ближайшей точкой, и к нему нужно было быть готовой — он Оценщик, и с завтрашнего дня я буду у него на виду постоянно, а не двенадцать минут через день. А ещё была Тень, но с ней пока было совсем непонятно, и думать об этом было неприятно, поэтому я отложила это на потом.

Я перевернулась на бок и закрыла глаза.

За окном ветер качал ветки деревьев, и в стекло изредка постукивала сухая ветка — тихо и равномерно, как маятник.

Вечером дом затих.

Обед прошёл без происшествий — меня накормили в комнате, принесла Нэй, молча, аккуратно, с выражением человека, который очень старается ничего не сделать

неправильно. Я поела, поблагодарила, она забрала поднос и ушла. Где-то внизу, судя по звукам, Дорр обедал отдельно, у него было своё расписание, в которое я, по всей видимости, не входила.

После обеда был долгий тихий вечер. Я разобрала сумку, разложила вещи, точнее, вещи Миры, — и попыталась понять по ним хоть что-нибудь о хозяйке. Одежда была простой и аккуратной, ничего лишнего. В ящике стола нашлась небольшая тетрадь — пустая, ни одной записи. Несколько книг на полке, все с чистыми страницами, без пометок. Мира либо не любила оставлять следы, либо их убрали до моего возвращения.

Когда за окном совсем стемнело и Нэй принесла небольшой ужин, я задула одну из свечей на столе, в комнате остался один источник света, маленький и тёплый, — и встала перед зеркалом.

При дневном свете всё было обычно. Тень повторяла дви-

жения, синхронно, без отклонений. Но Реш сказала — в темноте она проявляется отчётливее.

Я смотрела на своё отражение в тусклом свете одной свечи.

Сначала ничего. Просто я и зеркало. Потом я заметила краем глаза, не в зеркале, а сбоку, у стены что-то, что двигалось не так. Не резко, не пугающе, просто чуть иначе, чем должна двигаться тень от неподвижного человека.

Я не шевелилась.

Тень у стены медленно, очень медленно, выпрямилась. Я стояла чуть ссутулившись, как стоят люди, которые устали, — а тень стояла прямо. И смотрела не в зеркало, куда смотрела я, а куда-то в сторону двери.

Мы простояли так секунд десять. Потом я сделала маленький шаг в сторону и тень сдвинулась тоже, повторяя движение. Просто с задержкой в полсекунды.

Я медленно выдохнула.

Реш говорила: нормальная Тень — это зеркало. Повторяет движения, не смотрит в стороны, не двигается самостоя-

тельно.

Моя смотрела в сторону двери и стояла прямо, пока я суетилась.

Это было, мягко говоря, не зеркало.

Я задула вторую свечу и легла в темноте. Сердце билось чуть быстрее обычного, не от страха, а от того, что стало понятно: проблема существует, она реальна, и она живёт в этом самом доме вместе с Оценщиком второго ранга, который умеет читать Тени точнее большинства коллег.

Замечательно. Просто замечательно.

Добро пожаловать домой, Мира Дорр.

Глава 7. Правила дома

Утром меня разбудил запах кофе.

Не будильник, не стук в дверь — просто запах, который пробрался под дверь и добрался до кровати раньше, чем я успела понять, где нахожусь. Секунды три я лежала и искренне не понимала, что происходит, а потом вспомнила: я в доме Дорра, это утро второго дня, и надо вставать.

Нэй принесла завтрак ровно в восемь — маленький поднос, всё аккуратно, кофе в фарфоровой чашке с блюдцем. Поставила на столик у окна, поклонилась и ушла, не сказав ни слова. Я посмотрела на кофе. Нормальный горячий кофе и пахнет очень даже хорошо.

В прошлой жизни я пила кофе каждое утро, с молоком, с телефоном в руке и чем-нибудь в наушниках. Здесь телефона не было, наушников тоже, и я просто пила кофе и смотрела в окно на серый зимний сад.

Это тоже было нормально. Просто по-другому.

Весса появилась в половину десятого с деловым видом человека, у которого есть программа на день.

— Доброе утро, — сказала она. — Отдохнули?

— Да, спасибо.

— Хорошо. — Она прошла в комнату, огляделась — профессионально, одним быстрым взглядом, — и присела на край кресла. — Мира, нам нужно поговорить о доме. Пока есть время — господин Дорр сейчас на службе, вернётся к обеду.

— Конечно, — сказала я.

— Начну с того, что напомним как устроен день, — сказала Весса. — Завтрак в восемь, обед в час, ужин в семь. Это расписание — не пожелание, это порядок. Опаздывать не принято.

Я кивнула.

— Господин Дорр завтракает и обедает отдельно, если нет гостей. Ужин — вместе, это обязательно. Если он приглашает вас к завтраку или обеду — это тоже обязательно, приглашение отклонить нельзя.

— Понятно.

— По дому можно ходить свободно, — продолжила Весса, — кроме кабинета господина Дорра. Туда вход только по приглашению. Библиотека, гостиная, сад — ваши. В сад лучше не выходить одной в темноте, там неровные дорожки, можно оступиться.

Запрет на кабинет, формально — забота о дорожках. Я записала.

— Гости бывают? — спросила я.

— Бывают. Коллеги господина Дорра, иногда с супругами. Когда гости — всё чуть строже, чем обычно. Я предупрежу заранее.

— Как вести себя с гостями?

Весса посмотрела на меня с тем своим взвешивающим взглядом.

— Тихо, — сказала она. — Отвечать на вопросы, не задавать своих. Если коллеги господина Дорра — держаться чуть позади него. Если жёны, то можно разговаривать, но осторожно. Среди них бывают разные люди.

Разные — это было информативно.

— Весса, — сказала я. — А что значит — разные?

Она чуть помолчала.

— Есть те, кто принимает положение вещей спокойно, — сказала она наконец. — И есть те, кто очень следит за тем, насколько правильно ведут себя чужие охраняемые лица. Иногда — из принципа, иногда — чтобы было о чём рассказать мужьям.

Доносчицы, значит. Бытовые, с хорошими манерами.

— Спасибо, что предупредили, — сказала я.

Весса кивнула.

— Ещё одно, — добавила она. — Господин Дорр не любит, когда к нему обращаются без необходимости. Если что-то нужно — сначала ко мне. Если я не могу решить — тогда уже к нему. Это не правило, которое он озвучивал, но это — правило.

Вот это было важно. Значит, Весса — буфер между мной и Дорром. Это её функция, и она это знает. Нужно было по-

нять, насколько она этой функцией пользуется в обе стороны.

— Понятно, — сказала я. — Весса, у меня вопрос. Немного другого рода.

— Слушаю.

— Что я делала раньше? Ну, до того случая. Как проходил мой день? Я помню очень мало.

Весса смотрела на меня несколько секунд. Потом встала и подошла к окну — не потому что там что-то было, а просто чтобы смотреть не на меня, а мимо.

— Вы занимались домом, — сказала она. — Помогали Нэй, иногда готовили — у вас хорошо получалось. Читали. В хорошую погоду сидели в саду. Господин Дорр иногда брал вас с собой на приёмы — нечасто, но бывало.

— И всё?

— В основном да, — сказала Весса. Она говорила ровно, без интонации, и именно это отсутствие интонации было ответом.

Я смотрела на её спину и думала, что Мира жила в этом доме несколько месяцев и за это время не оставила почти никакого следа. Пустая тетрадь. Книги без пометок. Дни, которые помещаются в одно предложение.

— А вам нравилась Мира, то есть я? — спросила я.

Весса обернулась.

В её лице что-то изменилось — не сильно, не театрально, просто что-то сдвинулось.

— Да, — сказала она. — Нравилась.

— Почему?

— Потому что она не жаловалась, — сказала Весса. — И не пыталась казаться тем, чем не была.

Она помолчала секунду, потом добавила — тише, как добавляют то, что не обязательно говорить, но говорят всё равно:

— Надеюсь, что с вами будет то же самое.

Я не сразу ответила.

— Постараюсь, — сказала я наконец.

Весса кивнула. Взяла свой саквояж.

— Господин Дорр вернётся к часу. Вы будете обедать вместе — он так сказал вчера вечером. Приготовьтесь.

— Хорошо. Весса...

Она остановилась у двери.

— Спасибо. За всё.

Она посмотрела на меня — ровно, внимательно — и вышла, аккуратно прикрыв дверь.

Дорр вернулся в час без пяти.

Я слышала, как открылась входная дверь, как в прихожей прошли шаги — размеренные, без спешки, — как что-то переложили, как он негромко сказал что-то и Нэй ответила. Потом шаги на лестнице, и стук в мою дверь.

— Войдите, — сказала я.

Вошёл не Дорр — Нэй.

— Господин просит вас к столу, — сказала она.

Я встала, оправила платье — одно из Мириных, тёмно-синее, простое, — и пошла.

Столовая находилась на первом этаже, рядом с гостиной. Небольшая, с тёмным деревянным столом на шесть мест, из которых были накрыты два — напротив друг друга, у окна. За окном был сад, голый и серый, и он смотрелся как натюр-морт в раме.

Дорр уже сидел. Он встал, когда я вошла — короткое, автоматическое движение, скорее рефлекс хороших манер, чем жест в мою сторону, — и кивнул на стул напротив.

Я села. Нэй начала подавать.

Первые несколько минут мы ели молча. Это было странно ровно настолько, насколько странно молчать с незнакомым человеком за одним столом, — но Дорр, судя по всему, молчание воспринимал как норму, а не как неловкость. Он ел аккуратно и без лишних движений, изредка смотрел в окно.

Я смотрела в свою тарелку и старалась есть не торопясь — ела я быстро, это была привычка из прошлой жизни, которая здесь могла выглядеть неправильно.

— Как провела утро? — спросил Дорр.

Я досчитала до двух.

— Разговаривала с Вессой, — сказала я. — Она рассказала о доме. О распорядке.

— Хорошо. — Он взял бокал с водой. — Что-то непонятное осталось?

— Нет, господин мой. Весса объяснила всё подробно.

Он кивнул. Нэй бесшумно сменила тарелки. Здесь вообще любили тишину.

— Голова не болит? — спросил Дорр.

— Нет.

— Слабость есть?

— Немного, — сказала я. — Но меньше, чем вчера.

— Это нормально после того, что случилось, — сказал он. Ровно, без интонации — как говорит врач, констатируя факт. — Не форсируй. Если нужен отдых — отдыхай.

— Благодарю, господин мой.

Снова молчание. Снова окно с голым садом.

Я смотрела на него и пыталась читать. Что он думал за этим молчанием — было непонятно. Его лицо было закрытым — не намеренно, не как маска, а как лицо человека, у которого мимика просто не привыкла ничего показывать лишнего. Профессиональная привычка Оценщика — смотреть и не раскрываться в ответ.

— Ты помнишь что-нибудь новое? — спросил он.

— Нет, господин мой. Пока нет.

Он посмотрел на меня — не долго, секунды две — и снова перевёл взгляд на тарелку.

— Хорошо, — сказал он. — Память возвращается постепенно. Не нужно её торопить.

Это было второй раз, когда он говорил мне не торопить память. Это могло быть обычным повторением, а могло и нет. Я ещё недостаточно хорошо знала его, чтобы определить.

Обед закончился быстро. Дорр поднялся, коротко поблагодарил Нэй и посмотрел на меня.

— Сегодня вечером у меня встреча, — сказал он. — Ужинать буду один. Завтра всё как обычно.

— Хорошо, господин мой.

Он вышел.

Я осталась за столом, допила воду и посмотрела в окно на сад.

Минут двадцать за столом. Я поймала себя на том, что считаю: у него восемь реплик, у меня шесть. Ни одного нарушения пункта пять, ни одного лишнего слова. «Не торопите память» — дважды. Лицо без мимики. И вопросы — не из заботы, а из той же логики, с которой проверяют, нормально ли работает отремонтированная вещь.

Крис внутри сказала: ну и как тебе новая жизнь.

Мира снаружи встала из-за стола и пошла в библиотеку — нужно было чем-то занять день, и книги для этого подходили лучше всего. Заодно посмотреть, что здесь читают, что за мир такой, что за история у него.

Библиотека оказалась небольшой — одна комната с тремя стенами книг от пола до потолка и двумя креслами у окна. Пахло старой бумагой и чем-то деревянным, немного смолистым. Хорошо пахло.

Я прошла вдоль полок.

Половину занимали профессиональные книги — судя по корешкам, по теории Теней, по аттестационным методикам, по каким-то законам и комментариям к ним. Это были книги Дорра, и трогать их я пока не стала. Вторая половина была разнообразнее — история, естественные науки, что-то художественное.

Я вытащила первую попавшуюся историческую книгу — толстую, с истёртым тиснёным переплётом. «Хроники Конкордата, том второй. Период реформ».

Открыла наугад, прочитала несколько страниц.

История этого мира расходилась с моей примерно так же, как расходятся два человека, которые вышли из одной точки и пошли в разные стороны — одни и те же корни, но всё остальное другое. Были войны, но не те. Были революции, но в другие эпохи. Были изобретения, но иные.

Я читала медленно, запоминала, складывала в голове общую картину.

Потом нашла полку с художественной литературой.

Это было интереснее. Я листала корешки — названия, авторы, даты, — и с каждой книгой становилось яснее: этот мир шёл своим путём достаточно давно, чтобы выработать собственную литературную традицию. Ни одного знакомого имени. Ни одного романа, который я знала. Совсем.

Я взяла один из них — тонкий, с простой обложкой, и прочитала первые страницы. Язык был понятным, история незамысловатой, исполнение честным, но без особых претензий.

И вот тут что-то щёлкнуло.

У меня в голове были сотни историй. Романы, которые я читала и помнила почти дословно. Сюжеты, которые здесь не существовали. Персонажи, которых в этом мире никто не знал — ни Гермiona, ни Аттикус Финч, ни Ийона Тихого.

Я положила книгу обратно и посмотрела на полку.

Это была очень конкретная мысль, и она пришла неожиданно чётко: у меня в голове была целая библиотека, которой здесь не было. И никто об этом не знал.

Вопрос был в том, как из этого что-то сделать — в мире, где охраняемое лицо не может подписывать договоры, не может владеть имуществом и не может иметь публичного имени.

Значит нужен кто-то, кто может. Посредник. Человек, через которого можно было бы работать. Кто-то достаточно надёжный, чтобы не присвоить всё себе, и достаточно заинтересованный, чтобы участвовать.

Пока такого человека не было. Но теперь я знала, что он нужен.

Я взяла другую книгу, на этот раз что-то про историю музыки в Аррене, и устроилась в кресле у окна.

За окном было серо и тихо. В доме тоже было тихо, только изредка где-то внизу двигалась Нэй, и это движение доносилось как едва слышный звук сквозь перекрытия.

Я сидела в чужом кресле с чужой книгой и думала о том, что сейчас дома — в том смысле «дома», который для меня что-то значил, — папа, наверное, разбирает мою комнату. Или не разбирает, потому что не может. Или уже разобрал, потому что иначе не может. Я не знала, как он с такими вещами справляется, мы никогда не теряли никого близкого, пока я была достаточно взрослой, чтобы это замечать. Натка, наверное, написала что-нибудь в соцсетях. Что-нибудь короткое и точное, она умела так. И лайки под этим постом — от людей, которые знали меня плохо или не знали вовсе.

Мне было их жаль. Не себя — их. Потому что у меня хотя бы было это: новое тело, новый мир, проблемы, которые требовали решения прямо сейчас. У них не было даже этого.

Я поморгала, чтобы разогнать эту мысль, открыла книгу про историю музыки и заставила себя читать.

Это тоже был первый шаг. Просто немного другой.

Глава 8. Ужин с гостем

На третий день в доме Весса предупредила меня за завтраком — коротко, между делом, как сообщают о чём-то рабочем:

— Сегодня вечером гость. Коллега господина Дорра, Блуститель Рейн. Приедет один, без супруги. Ужин в семь, вы присутствуете.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо, что предупредили.

Весса кивнула и ушла на кухню. Я осталась за столом с чашкой кофе и принялась думать.

Гость без супруги — это немного другие правила, чем гость с супругой. В брошюре был отдельный параграф про обеды и ужины в смешанной компании, и там говорилось, что охраняемое лицо в присутствии гостей мужского пола «придерживается принципа минимального участия» — то есть отвечает на вопросы, не задаёт своих, не перебивает, не инициирует темы. В переводе с официального на человеческий это означало: сиди, ешь, улыбайся, молчи.

Это было выполнимо. Я уже три дня в основном именно

этим и занималась.

Я допила кофе и пошла в библиотеку — дочитывать книгу про историю музыки в Аррене. За три дня я успела составить себе общее представление о том, что здесь существует и чего нет. Музыкальная традиция оказалась богатой, но своей, никакого джаза, никакого рока, ничего из того, что я знала. Была классическая форма, была народная, был что-то похожее на кабаретный жанр, только с другими именами и другой историей. Инструменты частично знакомые, частично нет.

Это было интересно. Не в смысле «занятно» — в смысле «здесь есть пространство».

Но пространство это было абстрактным, пока у меня не было посредника. А посредника не было. Поэтому я читала, запоминала и ждала.

Блюститель Рейн приехал в половину седьмого — раньше назначенного, что, судя по реакции Нэй, было для него обычным делом. Она забежала чуть быстрее обычного, переставляя что-то на столе в столовой, и это суетливое движение я поймала краем глаза, проходя мимо по коридору.

Я его ещё не видела — Дорр встретил гостя в кабинете, и оттуда доносился негромкий разговор, слов которого я не разбирала. Прошла в свою комнату, переоделась в то, что Весса накануне аккуратно повесила на спинку кресла — тёмно-зелёное платье, простое, закрытое, — и спустилась вниз за пять минут до семи.

В гостиной никого не было. Я присела в кресло у окна и стала ждать.

В семь ровно дверь кабинета открылась, и они вышли — Дорр впереди, гость за ним. Я встала.

Рейн оказался крупным мужчиной лет сорока пяти, с широкими плечами и лицом, которое, наверное, в молодости было красивым, а теперь просто было значительным. Тёмный костюм, большие руки, уверенная походка человека, привыкшего занимать много места. Он вошёл в гостиную и сразу огляделся — не тревожно, а по-хозяйски, как оглядываются везде, куда приходят.

Взгляд его скользнул по мне — коротко, оценивающе — и перешёл дальше.

— Это Мира, — сказал Дорр. Не «моя жена», не «охраняемое лицо» — просто «это Мира», как говорят «это моё

кресло».

— Вижу, — сказал Рейн. Голос у него был низким и чуть хрипловатым, из тех голосов, которые привыкли заполнять комнату. — Слышал о том что с ней произошло. Выглядит неплохо.

Это тоже было сказано не мне, а Дорру. Про меня. В моём присутствии.

Я стояла с выражением лица «поверхность без ряби» и смотрела в район галстука Рейна.

— Прошу к столу, — сказал Дорр.

Ужин начался спокойно.

Нэй подавала бесшумно и быстро, мужчины разговаривали — о службе, о каком-то решении окружного совета, о ком-то третьем, кого я не знала. Я ела и слушала, не встречая. Это было легче, чем я ожидала, — разговор шёл мимо меня, и моё присутствие требовалось ровно в той мере, в которой требуется присутствие хорошей мебели: она есть, она уместна и она не мешает.

Я даже успела немного расслабиться. Зря.

— ...а в Велдте, кстати, наконец закрыли то дело по Северному округу, — говорил Рейн, накладывая себе ещё мяса. — Лет двадцать тянулось, с самого основания Конкордата.

— Восемнадцать, — сказал Дорр.

— Что?

— Конкордату восемнадцать лет. Не двадцать.

— Ну, примерно, — отмахнулся Рейн. — Я и говорю — с самого основания. Там ещё старый Блюститель Карр был замешан, помнишь? Тот самый, что потом в провинцию перевели.

— Карр был переведён раньше, — сказал Дорр. — До основания Конкордата ещё.

— Да? — Рейн не выглядел смущённым. — Значит, путаю. В любом случае, дело закрыли, и правильно сделали. Там с самого начала всё было шито белыми нитками, просто никто не хотел трогать.

Они продолжили разговор, и я продолжила есть, и всё было хорошо ещё примерно три минуты.

— ...в общем, история Конкордата знает немало таких случаев, — говорил Рейн. — Когда система работает против самой себя. Это идёт ещё от Первого Собрания — там изначально заложили противоречие, ещё в сорок шестом году.

Я подняла взгляд от тарелки.

Первое Собрание Конкордата состоялось в сорок четвёртом году — это я точно знала, потому что читала об этом три дня назад в «Хрониках», и дата там была выделена жирным как ключевая. Сорок четвёртый, не сорок шестой. Сорок шестой — это был год второй конституционной реформы, совсем другое событие.

Я опустила взгляд обратно в тарелку.

Не моё дело. Мужчины разговаривают, я ем. Пункт три основного распорядка, параграф восемь брошюры — охраняемое лицо не вступает в разговор без приглашения. И уж тем более не поправляет гостей.

Рейн продолжал говорить — уверенно, без сомнений, и от этой уверенности неправильная дата звучала как правиль-

ная, и Дорр слушал, не поправляя, хотя Дорр наверняка тоже читал «Хроники», он же Блюститель, он же знает историю Конкордата лучше меня.

Может, он просто не считал нужным поправлять. Может, это было нормой — пропускать чужие неточности мимо ушей, если они не имели практического значения.

Я накрутила на вилку кусок мяса и сказала:

— Простите — Первое Собрание было в сорок четвёртом году.

Повисла тишина.

Не долгая — секунды две, может три. Но эти секунды были очень конкретными. Рейн остановился на полуслове и посмотрел на меня — не злобно, скорее с тем видом, с которым смотрят, когда предмет интерьера неожиданно произносит реплику. Нэй, которая в этот момент меняла блюдо, замерла на полсекунды и продолжила движение.

Я смотрела в свою тарелку и думала: ну вот.

— В самом деле? — сказал Рейн. Голос у него был ровным, без злости — скорее с лёгким удивлением.

— Да, — сказала я. — Прошу прощения, если ошибаюсь. Просто читала недавно.

Я добавила «если ошибаюсь» из чистой самосохранительной интуиции, хотя не ошибалась.

— Мира увлеклась историей за время выздоровления, — сказал Дорр.

Его голос был совершенно ровным. Ни раздражения, ни поддержки — просто нейтральная информация, поданная в нейтральном тоне. Но он смотрел на меня, и я это чувствовала, хотя в его сторону не смотрела.

— Что ж, — сказал Рейн и взял бокал. — Возможно, ты права. Я не историк. — Он повернулся к Дорру. — Как я и говорил, в любом случае — противоречие было заложено с самого начала, вне зависимости от точной даты.

И разговор продолжился.

Я дожевала мясо и вернулась к режиму «поверхность без ряби». Внутри Крис тихо сказала: поздравляю, ты только что нарушила параграф восемь. Мира внутренне пожала плечами: я знаю.

Ужин закончился через полчаса. Рейн попрощался тепло, хлопнул Дорра по плечу — это было неожиданно, почти по-приятельски, и уехал.

Нэй начала убирать со стола. Я помогала — молча, быстро, привычным движением складывала тарелки. Дорр стоял у окна и смотрел на тёмный сад.

— Мира, — сказал он.

Я остановилась.

— Господин мой.

— Ты поправила гостя.

Это было не вопросом. Я поставила тарелки на поднос и обернулась к нему, не прямо, в район плеча.

— Да, господин мой. Прошу прощения. Это было неуместно.

— Да, — сказал Дорр.

Молчание. Нэй бесшумно вышла с подносом, почувство-

вав момент.

— Рейн не обиделся, — добавил Дорр. — На этот раз. Но в следующий раз держи это при себе.

— Понятно, господин мой. Это не повторится.

Он кивнул и тоже вышел.

Я осталась в столовой одна, с пустым столом и ощущением человека, который только что сдал экзамен на тройку вместо пятёрки. Не провалился, но и не блеснул.

На этот раз, сказал Дорр. Значит, он предполагал следующий раз. Значит, он уже думал о ней — о той, кем Мира должна была становиться по мере выздоровления. О том, насколько она будет соответствовать ожиданиям.

Оценщик всегда оценивает. Даже дома. Даже на ужине.

Я взяла последний стакан со стола, отнесла на кухню и поднялась к себе.

Крис внутри сказала: надо было промолчать.

Мира внутри ответила: наверное. Но сорок четвёртый, а

не сорок шестой.

Крис внутри вздохнула: ты невозможна.

Мира внутри согласилась: вероятно.

За окном была ночь, и сад в темноте выглядел как что-то совсем другое — не голые клумбы и дорожки, а просто темнота с силуэтами деревьев. Я стояла у окна, смотрела на эти силуэты и думала, что три дня в этом доме дали мне кое-что важное: я начинала понимать, как работает Дорр. Не как человек — как механизм. Что он замечает, что пропускает, как реагирует.

«На этот раз» — это было предупреждение. Спокойное, без угрозы, почти вежливое. Именно поэтому оно было важным.

Я отошла от окна и легла.

Лежала и думала — не о Дорре, не о Рейне, а о самой ошибке. Почему это вообще произошло. Неправильная дата прозвучала уверенно, никто её не поправил, и что-то внутри не выдержало — просто не смогло пропустить мимо уши эту спокойную неправоту. Честная причина. Совершенно неуместная причина для действия в данных обстоятель-

ствах.

Здесь правота не была ценностью сама по себе. Ценностью было соответствие. Охраняемое лицо, которое молчит, соответствует. Охраняемое лицо, которое поправляет гостей, не соответствует — даже если оно право. Логика простая, неприятная и абсолютно местная.

Дорр сказал «на этот раз». Это был кредит, выданный один раз. Тратить его снова — значит начинать другой разговор, к которому я пока не была готова.

Завтра надо было думать аккуратнее. И молчать громче.

Глава 9. Оценщик смотрит

На следующее утро Дорр зашёл ко мне после завтрака.

Я как раз читала в библиотеке — ту самую книгу про музыку, которую так и не дочитала вчера, — когда в дверь постучали. Стучал он — я уже начинала различать, как стучат разные люди, и у Дорра был короткий, двойной стук, без паузы между ударами.

— Войдите.

Он вошёл, огляделся — привычным движением, которое, я подозревала, было у него профессиональным рефлексом, — и остался стоять у двери. На этот раз без пиджака, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Это было неожиданно — в чём-то более человеческом, чем обычный костюм.

— Мира, — сказал он. — Мне нужно провести аттестацию. Это займёт недолго.

Я закрыла книгу.

— Конечно, господин мой.

Аттестацию тени. Вот оно.

Реш рассказывала — Оценщики проводят аттестацию раз в несколько лет. Но это было «раз в несколько лет» для обычных людей. Для охраняемого лица, которое только что вернулось из больницы после серьёзной травмы, — другое дело. Медицинская необходимость, вероятно. Стандартная процедура.

Или — он увидел что-то вчера. На ужине. И хочет проверить.

— Сядь, — сказал Дорр и кивнул на кресло у окна.

Я пересела с дивана в кресло. Он придвинул стул напротив — близко, ближе чем обычно, примерно на расстоянии вытянутой руки — и сел.

— Это не больно, — сказал он. — Просто сидите спокойно. Смотрите на что-нибудь нейтральное — на стену, на окно. Не на меня.

— Понятно.

Я перевела взгляд на окно. За стеклом был сад — голые ветки, серое небо, привычная картина. Я смотрела на ветку

ближнего дерева и старалась думать о чём-нибудь действительно нейтральном. О ветке. О том, как она качается. О том, что у неё, наверное, скоро появятся почки, если здесь бывает весна.

Дорр молчал.

Я сидела и смотрела на ветку и старалась по-настоящему думать о чём-то нейтральном, а не просто притворяться что думаю. Потому что если аттестация читает Тень, а Тень реагирует на чувства и мысли, то притворство — это тоже мысль, только хуже. Лучше уж ветка.

Ветка. Голая, серая, с маленькими утолщениями там, где летом будут листья. Таких веток в саду много, эта — ближайшая к окну, чуть изогнутая влево, как будто её когда-то погнул ветер и она так и осталась. Это, наверное, некрасиво с точки зрения садовника. Хотя может, здесь никто не обрезает ветки специально. Может, им просто дают расти.

Потом я почувствовала, не увидела, именно почувствовала — что что-то изменилось в комнате. Не температура, не свет, что-то другое. Как будто воздух стал чуть плотнее, или, наоборот, чуть тише. Сложно описать точнее — это было похоже на то, как меняется ощущение пространства, когда кто-то очень внимательно на тебя смотрит. Только не снаружи, а

откуда-то изнутри. Это длилось секунды три, может пять, и всё это время я смотрела на ветку и думала о почках.

Потом, краем зрения, я увидела свою Тень на стене.

Она стояла прямо. Я сидела в кресле, немного ссутулившись — не намеренно, просто так получилось, — а Тень на стене стояла прямо, расправив плечи. И смотрела не в окно, куда смотрела я, а в сторону Дорра.

Я не шевельнулась. Продолжала смотреть на ветку.

Дорр тоже молчал, но это было уже другое молчание. Не рабочее, сосредоточенное. Что-то в нём изменилось, и хотя я не смотрела на него, я это чувствовала.

Ещё несколько секунд.

— Хорошо, — сказал он. — Достаточно.

Я перевела взгляд с окна на него. Он уже смотрел не на меня — в свой небольшой блокнот, который достал неизвестно когда. Писал что-то коротко, аккуратным почерком. Потом закрыл блокнот и убрал в карман.

— Всё? — спросила я.

— Всё.

Он встал, одёрнул рукав рубашки.

— Как долго обычно это занимает? — спросила я. — Аттестация.

Он посмотрел на меня — коротко, без особого выражения.

— По-разному, — сказал он.

— А у меня сколько заняло?

Он помедлил — недолго, но достаточно, чтобы я это заметила.

— Меньше обычного, — сказал он и вышел.

Я осталась в кресле с книгой на коленях и смотрела на закрытую дверь.

Меньше обычного. Это могло означать разное. Что всё в порядке и смотреть было не на что. Что он увидел что-то быстро и не захотел смотреть дольше. Что что-то прервало

процедуру — снаружи или изнутри — и он счёл нужным остановиться.

Реш объясняла: нормальная Тень — это зеркало. Повторяет движения, не смотрит в стороны, не действует самостоятельно. Если хозяйка спокойна — Тень спокойна. Всё синхронно, всё предсказуемо.

Моя Тень стояла прямо, пока я сидела ссутулившись. И смотрела в сторону Дорра, пока я смотрела в окно.

Это видел он или не видел — я не знала. Но он вошёл с намерением провести стандартную процедуру и вышел через несколько минут, сказав «меньше обычного» тоном человека, который закрывает тему. Оценщики так не делают, если всё в норме. Если всё в норме, они говорят «хорошо» или «всё в порядке». Они не говорят «меньше обычного» и не уходят сразу.

Я покосилась на стену рядом с креслом.

Обычная тень — от кресла, от моей фигуры. Правильная, синхронная, послушная. Ничего живого. При дневном свете всё выглядело нормально — это я уже знала. Ночью или при одной свече — другое дело.

Дорр это знал лучше меня. Он всю жизнь работал с Тенями.

Меньше обычного.

Весса появилась через полчаса — принесла кофе, который я не просила, и присела на край дивана с таким видом, как будто зашла просто так, по пути. Это была, конечно, неправда, но я не стала этого озвучивать.

— Господин Дорр проводил аттестацию? — спросила она, наливая кофе в чашку.

— Да.

— Как прошло?

— Не знаю, — сказала я честно. — Он ничего не сказал.

Весса протянула мне чашку. Поддержала взгляд на мне чуть дольше, чем нужно для простой передачи кофе.

— Мира, — сказала она. — Можно спросить кое-что?

— Конечно.

— Как вы себя чувствуете? Не физически. В целом.

Я немного подумала, что ответить.

— Странно, — сказала я. — Но это нормально, наверное. Столько всего сразу.

— Да, — сказала Весса. — Это нормально. — Она помолчала. — Просто... если будет что-то тревожить — говорите мне. Я уже говорила, что можно и это не изменилось.

— Спасибо.

Она кивнула, встала, взяла поднос.

— Обед в час, — сказала она у двери. — Сегодня господин Дорр обедает дома.

Вышла.

Я пила кофе и думала о том, что Весса пришла сразу после аттестации. Случайно? Возможно. Но у неё было такое лицо — аккуратное, спокойное, профессиональное, — за которым что-то стояло. Она двенадцать лет в этом доме. Она

видела аттестации раньше. Она знала, как они обычно заканчиваются.

И она пришла с кофе через полчаса после того, как Дорр вышел раньше обычного.

Это было интересно. И немного тревожно — в том хорошем смысле, когда тревога означает, что ты правильно читаешь ситуацию.

За обедом Дорр был обычным — немногословным, аккуратным, с закрытым лицом. Разговор шёл о хозяйственных делах: что-то нужно было починить в дальней части сада, кто-то должен был приехать на следующей неделе по делам Надзора. Я отвечала на вопросы, не задавала своих, смотрела в тарелку и в район воротника по очереди.

Всё было нормально.

Только в конце, когда Нэй убрала посуду и Дорр собирался встать, он сказал — коротко, между прочим, как говорят о чём-то рабочем:

— Завтра я хочу показать тебе дом. Полностью. Весса во-

дила тебя, но лучше, если ты увидишь его со мной.

Я не сразу ответила. Не потому что не знала, что сказать, — просто не успела понять, что именно это означало.

— Конечно, господин мой, — сказала я.

— В десять утра.

Он встал и вышел.

Я сидела за пустым столом и смотрела на его место. Полностью весь дом включая кабинет, который мне было запрещено посещать без приглашения.

Завтра он сам меня туда поведёт.

Оценщик, который утром провёл аттестацию и вышел раньше обычного, а в полдень предложил показать дом. Между этими двумя событиями было что-то, что я не понимала. Связь или её отсутствие.

Крис внутри сказала: он что-то решил.

Что именно — вот в чём был вопрос.

Вечером, когда дом затих и в коридоре не было слышно ни Нэй, ни Вессы, я задула свечу на столе и сидела в темноте.

Не потому что хотела испугаться. Просто хотела посмотреть.

Тень появилась не сразу. Сначала была просто темнота — привычная, комнатная, с полосой света под дверью и синеватым прямоугольником окна. Потом — постепенно, как проявляется снимок, — у стены что-то обозначилось. Силуэт. Неясный, размытый, но он был там.

Я не двигалась.

Тень тоже не двигалась. Стояла прямо, как в прошлый раз, — и смотрела куда-то, куда я не смотрела. Потом медленно повернула голову в мою сторону.

Мы смотрели друг на друга в темноте.

— Привет, — сказала я тихо. Почти шёпотом, потому что было непонятно, стоит ли говорить вслух или нет.

Тень не ответила. Разумеется, ведь она была Тень, а не со-

беседник. Но угол её головы чуть изменился — едва заметно, как бывает, когда человек слышит что-то неожиданное и ещё не решил, как реагировать.

Я подняла руку. Тень на стене подняла тоже — но с поддержкой в полсекунды. И угол был чуть другим.

Не зеркало. Точно не зеркало.

Я опустила руку.

— Мне нужно понять, что ты такое, — сказала я в темноту. — Ты мне в этом поможешь?

Тень стояла. Молчала — в той мере, в которой Тень вообще может молчать.

Потом в коридоре скрипнула половица, и я быстро зажгла свечу. Тень исчезла — стала обычной, геометрической, от кресла и подоконника.

Шаги прошли мимо двери и стихли.

Я выдохнула. Посмотрела на свечу. Потом на стену, где только что был силуэт.

Завтра Дорр покажет мне дом. Послезавтра или через неделю — Весса скажет, когда, — будет следующая аттестация, или не будет, или произойдёт что-то ещё. И всё это время моя Тень будет делать то, что ей хочется, независимо от того, понимаю я это или нет.

Лучше бы понимала.

Я задула свечу ещё раз и легла в темноте, глядя в потолок.

Тень у стены снова обозначилась, слабо, едва видимо, и стояла прямо, пока я лежала.

Привыкай, — подумала я. — Нам с тобой ещё долго быть вместе.

Глава 10. Дом

В десять утра Дорр ждал меня внизу.

Не в гостиной, не в столовой — в прихожей, у лестницы, с чашкой кофе в руке. Это тоже было неожиданно: я привыкла, что он появляется из кабинета или выходит навстречу из какой-нибудь комнаты, а тут просто стоял и ждал, как стоят люди, которым некуда торопиться.

— Доброе утро, — сказал он, когда я спустилась.

— Доброе утро, господин мой.

— Кофе будете?

Я остановилась на последней ступеньке.

«Будете» — множественное число, вежливое. Он почти никогда не говорил мне «вы» — обычно просто «ты», как говорят тем, кто ниже по статусу, и это было нормой, я к этому привыкла. «Будете» прозвучало иначе. Не как обращение к равному — просто иначе, чем обычно.

— Спасибо, нет, — сказала я.

Он кивнул и поставил чашку на полку у зеркала.

— Тогда начнём.

Экскурсия по дому оказалась не тем, чего я ожидала.

Я думала будет нейтральное перечисление: это столовая, это гостиная, это выход в сад. Возможно, пара слов о правилах. Короткая процедура, которую он счёл нужным провести лично по каким-то причинам, которые я пока не понимала.

Вместо этого он рассказывал.

Не много — Дорр вообще говорил экономно, без лишних слов. Но он указывал на вещи и объяснял, откуда они. Старый буфет в столовой — из дома его отца, привезли после смерти. Картина в гостиной — пейзаж с рекой — написана кем-то из местных художников, он купил её лет восемь назад на выставке, не потому что разбирается в живописи, а потому что похожая река была в том месте, где он рос. Книжки в библиотеке — часть его, часть осталась от предыдущего жильца, который продал дом вместе с обстановкой.

Это был не протокол. Это было что-то личное, хотя он говорил об этом тем же ровным тоном, каким говорил обо всём.

Я слушала и думала, зачем он мне это всё рассказывает.

— Сад, — сказал он, когда мы вернулись в прихожую после обхода первого этажа. — Хотите посмотреть?

— Да, — сказала я.

На улице было холодно, но не неприятно — тот сухой зимний холод, от которого щёки становятся розовыми и дышится легко. Дорр набросил пальто, я — своё, и мы вышли на дорожку.

Сад зимой выглядел строго и немного торжественно — голые ветки, тёмная земля клумб, дорожки из плоского камня. В дальнем углу была та беседка, которую я видела из окна, — закрытая на зиму, обтянутая тёмной парусиной.

— Весной здесь хорошо, — сказал Дорр. — Розы у восточной стены. Яблони у забора.

Он шёл медленно, руки в карманах пальто. Я шла рядом, чуть позади — на полшага, как было принято, — и смотрела

на его профиль краем зрения.

— Вы любите сады? — спросила я.

Он чуть повернул голову.

— Не особенно, — сказал он. — Но это хорошее место для мыслей.

Хорошее место для мыслей. Я запомнила.

— А вы? — спросил он.

Я немного подождала, прежде чем ответить — не из протокола, а потому что думала.

— Не знаю ещё, — сказала я. — Я его плохо помню.

Он кивнул. Мы дошли до конца дорожки, постояли у беседки, вернулись обратно.

Кабинет был последним.

Дорр открыл дверь и посторонился, пропуская меня. Я во-

шла.

Комната оказалась больше, чем я ожидала, — высокие потолки, два окна, между ними большой стол с несколькими стопками бумаг и закрытыми папками. Вдоль одной стены — стеллажи, плотно заставленные книгами и какими-то приборами, назначение которых я не понимала. Вдоль другой — шкаф с закрытыми дверцами и несколько стульев.

На столе стоял прибор, непохожий ни на что из виденного мной раньше — тёмный, размером с небольшой чемодан, с несколькими циферблатами и тонкими металлическими стержнями, направленными вверх под разными углами. Рядом лежали записи — мелкий аккуратный почерк, несколько листов, заполненных почти до края. Что-то для работы с Тенями, я предположила. Инструмент Оценщика — такой же рабочий, как скальпель для хирурга, только совершенно непонятный мне ни по принципу, ни по устройству.

Я очень хотела подойти ближе. Но не подошла.

— Это рабочее место, — сказал Дорр. Негромко, как говорят о вещах, которые не требуют объяснения. — Здесь я работаю с документами и иногда — с клиентами. Когда прихожу к выводу, что нужна работа в домашней обстановке, а не в службе.

— Понятно, — сказала я.

— Ты можешь заходить сюда, если понадобится что-то спросить, — сказал он. — Просто стучи.

Это было изменение правила. Вчера — «кабинет закрыт». Сегодня — «стучи». Я не стала спрашивать, что изменилось.

— Спасибо, господин мой.

Я смотрела на прибор с циферблатами. Он поймал мой взгляд.

— Аттестационный комплекс, — сказал он. — Для работы с Тенями. Более точный, чем стандартный. — Он помедлил. — Вы знаете, как работает аттестация?

Я перевела взгляд на него.

— Реш немного рассказывала. В общих чертах.

— В общих чертах, — повторил он. — Хорошо. — Он подошёл к столу, не садясь, просто встал рядом. — Я хочу объяснить кое-что. Не как правило — как информацию.

— Слушаю.

— Вчера я проводил аттестацию. — Он говорил ровно, без интонации — так, как говорят о профессиональных вещах с людьми, которые должны их понять. — Тень после травмы иногда ведёт себя нестандартно. Это известный эффект. Обычно проходит.

— Обычно, — повторила я.

— Обычно, — подтвердил он. — Я буду наблюдать. Это не наказание и не повод для беспокойства. Просто наблюдение.

Он смотрел на меня. Не на Тень, не в сторону — именно на меня, прямо, что он делал редко.

— Понятно, — сказала я.

— Если заметите что-нибудь необычное — в своём состоянии, в своих ощущениях — скажите мне. — Или Вессе. Она передаст.

— Хорошо, господин мой.

Он кивнул и отошёл от стола.

— Это всё, что я хотел показать, — сказал он. — Если будут вопросы по дому — также к Вессе или ко мне.

— Спасибо.

Он вышел первым. Я вышла следом, и он закрыл за нами дверь кабинета.

Я поднялась к себе и долго сидела у окна, глядя в сад.

Итак. Тень после травмы иногда ведёт себя нестандартно. Это известный эффект. Обычно проходит и он будет наблюдать.

Это была официальная версия. Профессиональная, которую Оценщик мог бы сказать любому охраняемому лицу с похожей ситуацией.

Но он также открыл кабинет. И разрешил стучать. И рассказал про буфет отца и картину с рекой. И спросил, люблю ли я сады.

Это не было частью стандартного объяснения про эффект после травмы.

Крис внутри перебирала факты осторожно, как перебирают карты, стараясь понять, какая игра идёт. Дорр — умный. Это она знала с первой встречи. Умные люди редко делают что-то просто так, и редко рассказывают про буфет отца людям, которые их не интересуют.

Значит — она его чем-то заинтересовала. Тенью, вероятно. Аттестация закончилась раньше обычного не потому, что смотреть было не на что, — а потому что было достаточно. Он увидел что-то нестандартное и решил присмотреться ближе. Не изолировать, не отправить в Дом коррекции — присмотреться.

Это могло быть хорошим знаком. Или плохим. Или нейтральным, просто профессиональным интересом Оценщика к необычному случаю.

Я смотрела на голые ветки в саду и думала, что первый акт, назовём его так, закончился. Больница позади, дом изучен, правила поняты, ошибка сделана и принята к сведению, Тень обозначила себя, Дорр обозначил наблюдение. Расстановка сил более или менее понятна.

Непонятно было только одно: что делать дальше.

Выживать — это понятно, это уже происходит. Но выживание не цель, выживание это просто процесс. Цель должна быть чем-то другим. Чем-то, ради чего стоит просыпаться утром в чужом теле, смотреть в чужое зеркало и говорить «господин мой» человеку, которому ты принадлежишь по местному закону.

Шесть месяцев назад я была шестнадцатилетней девчонкой, которая ехала на роликах и думала о латте. Сейчас я была шестнадцатилетней девчонкой в чужом теле, в чужом мире, в чужом доме, с аномальной Тенью и Оценщиком, который решил за ней наблюдать. Это, конечно, не прогресс в обычном смысле слова. Но это был определённо не тупик.

Тупики скучны. Это я себе уже говорила.

Я встала с подоконника, потянулась с удовольствием, тело Миры явно не привыкло подолгу сидеть в одной позе, и подошла к зеркалу. Посмотрела на своё лицо. Тень за спиной стояла прямо, как всегда.

— Второй акт, — сказала я тихо, ни к кому особо не обращаясь.

Тень не ответила. Но угол её головы был, как мне показалось, чуть более внимательным, чем обычно.

За окном ветер качнул ветку — ту самую, изогнутую влево, которую я разглядывала во время аттестации. Ветка качнулась и замерла.

Ладно. Начнём.

Глава 11. Музыка этого мира

Граммофон стоял в гостиной, в углу, накрытый тонкой льняной салфеткой — так накрывают вещи, которыми пользуются, но не каждый день. Я заметила его ещё в первый день, но не подходила: было другое, более срочное. Теперь, на второй неделе в доме, когда срочного стало меньше, а времени больше, я подошла.

Граммофон был красивый. Тёмное дерево, латунный раструб, ручка для завода сбоку — всё аккуратное, ухоженное, явно не антиквариат для вида, а рабочий инструмент. Почти ничем не отличается от музейных граммофонов, которые я видела в своем мире. Рядом, в деревянном ящичке с откидной крышкой, стояли пластинки — штук двадцать, в конвертах с надписями от руки.

Я взяла первую попавшуюся. «Вечерний Харн. Оркестр под управлением Реввы». Поставила на диск, завела пружину, опустила иглу.

Из раструба полила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.